

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

СЕБАСТЬЯН

ФИТЦЕК

АЭРОФОБИЯ

PSYCHO

7А

TRILLER

↑
DANGER

Продано 12 000 000 экземпляров

Себастьян Фитцек

Аэрофобия 7А

Серия «Иностранный детектив»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39477212
Аэрофобия 7А: Центрполиграф; Москва; 2018
ISBN 978-5-227-08367-8

Аннотация

Доктор Матс Крюгер не мог отказать дочери Неле в просьбе быть с ней, когда родится ее первенец, и скрепя сердце решил на длительный полет из Буэнос-Айреса в Берлин. Доктор панически боялся летать и не ждал ничего хорошего от этого путешествия, но и в самом страшном сне он не мог представить, каким кошмаром оно для него обернется. На высоте девять тысяч метров ему сообщили, что его беременная дочь похищена, а он должен отыскать в самолете свою бывшую пациентку и спровоцировать ее на безумные действия, иначе Неле умрет. В замкнутом пространстве самолета Матс решает задачу, как спасти дочь и не совершить преступление, а на земле ему пытается помочь женщина, которая когда-то его любила...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	47
Глава 6	52
Глава 7	59
Глава 8	66
Глава 9	74
Глава 10	78
Глава 11	83
Глава 12	88
Глава 13	97
Глава 14	105
Глава 15	112
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Себастьян Фитцек

Аэрофобия 7А

Flugangst 7A

Copyright © 2017 by Verlagsgruppe Droemer Knaur GmbH
& Co. KG, Munich, Germany

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

* * *

Для Мануэлы.

Дистанция длиной 17 лет, и конца пока не видно.

Какое счастье!

**ЕС РЕКОМЕНДУЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ТЕСТЫ ДЛЯ ПИЛОТОВ**

*Тесты на наркотики и психологическая
поддержка*

*После крушения самолета авиакомпании
Germanwings рабочая группа ЕС требует усиления
контроля за психическим состоянием пилотов.*

DIE ZEIT от 17.07.2015 г.

Пролог

– Когда мы сможем допросить преступника?

Доктор Мартин Ротх, который как раз направлялся в неврологическое отделение Парк-клиники, повернулся к полицейскому из комиссии по расследованию убийств, имевшему глупость задать ему этот нелепый вопрос.

– Допросить?

– Да. Когда он проснется? – Коренастый полицейский сделал последний глоток кофе, который купил в автомате, подавил отрыжку и выпятил подбородок. – У нас два трупа и один тяжелораненый, у которого всю жизнь кровь будет идти глазами. Мне нужно как можно скорее взять показания у этого мерзавца.

– Взять показания, хм...

Главврач, с гладким, слишком моложавым для своего возраста лицом, почесал залысину, год от года становящуюся все больше. Он не знал, что хуже. Жалкое подражание Брюсу Уиллису или невероятная глупость этого полицейского.

– Вы ведь присутствовали, когда доставили этого мужчину?

– Да, конечно.

– И вы ничего не заметили?

– Он полуживой, я знаю, знаю. – Полицейский указал на дверь с матовым стеклом за спиной Ротха. – Но у вас, врачей,

наверняка есть все необходимое там, в волшебном ящике, чтобы собрать подонка по частям. И как только он придет в себя, я хотел бы получить пару ответов.

Ротх сделал глубокий вдох, досчитал про себя до трех и обратно и сказал:

– Ну, я дам вам пару ответов, господин?..

– Хирш. Главный комиссар Хирш.

– Для точного диагноза еще слишком рано, но мы подозреваем, что пациент страдает синдромом «запертого человека». Проще говоря: его мозг больше не взаимодействует с остальным телом. Это означает, что он «заперт» внутри себя. Он не может говорить, видеть, коммуницировать с нами.

– И сколько продлится такое состояние?

– Максимум тридцать шесть часов, я полагаю.

Полицейский закатил глаза.

– И потом я смогу допросить его?

– Потом он умрет.

За спиной Ротха раздался щелчок электронного замка, и дверь с матовым стеклом открылась.

– Доктор Ротх! Быстрее идите сюда. Пациент...

Главврач повернулся к своей ассистентке, которая с горящими щеками выбежала из реанимации.

– Что с ним?

– Он моргает.

Слава богу!

– Правда? Это чудесно! – оживился Ротх и кивнул поли-

цейскому на прощание.

– Он моргает? – Хирш посмотрел на главврача так, словно тот обрадовался жвачке на подошве ботинка. – Это вы называете хорошей новостью?

– Лучшей, на какую мы могли рассчитывать, – ответил Ротх и добавил, направляясь к умирающему: – Возможно, это наш единственный шанс найти пропавших живыми.

Сам он не питал особых надежд.

Глава 1

Неле.

Берлин. За полтора дня до этого.

05:02

«— Существуют два вида ошибок. Одни ухудшают твою жизнь. Другие обрывают ее».

Неле слушала, что говорит сумасшедший.

Невнятно, приглушенно. Тяжело дыша.

Она не видела его губ. Мужчина натянул себе на лицо маску. Черный эластичный неопрен с белым клапаном перед ротовым отверстием. Спортсменам маска помогала повисить выносливость и улучшить результаты. Психопатам – усилить удовольствие.

– Вот уж чего хочу сейчас меньше всего, – громко заявила Неле, как будто могла что-то изменить. Когда мужчина в маске развел кусачки, она переключила канал.

Жаркая осень с народной музыкой.

Еще лучше. Одна дрянь по телику. Да и неудивительно. Кто добровольно сядет перед телевизором незадолго до начала лета?

Нетерпеливо щелкая языком по передним зубам, она стала переключать каналы, пока не остановилась на телемагазине.

Помощники Ронни.

Новые кухонные приборы, которые рекламировал мужчина, словно разукрашенный красками: кожа цвета красной киновари, небесно-голубые губы и выбеленные зубы. Сейчас он как раз кричал покупателям, что супер-пупер-офигенных сифонов для газирования воды осталось всего 223 штуки. Такой сифон не помешал бы Неле в последние несколько месяцев. Тогда ей не пришлось бы таскать бутылки наверх. Четвертый этаж, задний двор, Ханзаштрассе, Вайсеналлее. Сорок восемь отшлифованных ступеней. Она считала их ежедневно.

Конечно, еще лучше сифона для газирования воды был бы сильный мужчина. Как раз сейчас, в ее положении – на целых девятнадцать килограммов тяжелее, чем девять месяцев назад.

Но виновника она прогнала взащей.

– *От кого?* – спросил ее Давид, как только она сообщила ему результаты теста.

Не совсем то, что хочешь услышать, когда приходишь от гинеколога и нуждаешься в опоре, чтобы пережить гормональный шторм.

– *Я к тебе без резинки не прикасался. Жить еще не надоело. Вот дерьмо, теперь и мне придется проверяться.*

Оглушительная пощечина положила конец их отношениям. Только это не она ударила в ярости. А он. Голова Неле дернулась, и она потеряла равновесие. Рухнула вместе с пол-

кой с CD-дисками на пол, где стала легкой добычей для своего друга.

– Ты охренела? – спросил он и пнул ее ногой. Потом еще и еще, в спину, в голову и, конечно, в живот, который она в отчаянии пыталась защитить локтями, руками и ладонями.

И успешно. Давид не достиг своей цели. Плод не пострадал, и выкидыша не случилось.

– Я не позволю подсунуть какого-то больного выродка, за которого мне придется расплачиваться всю жизнь! – орал он на нее, но уже отступился. – Я об этом позабочусь.

Неле потрогала скулу, куда мыском ботинка попал Давид, едва не задев глаз, и которая пульсировала каждый раз, когда Неле думала о дне их расставания.

Ее друг не в первый раз впадал в ярость. Но он впервые поднял на нее руку.

Давид был тем самым волком в овечьей шкуре, который на людях источал неотразимое обаяние. Даже ее лучшая подруга не могла себе представить, что у этого веселого мужчины с манерами идеального зятя есть второе, жестокое лицо, которое он благоразумно показывает лишь тогда, когда никто посторонний за ним не наблюдает и он чувствует себя уверенно.

Неле ругала себя за то, что постоянно западала на таких типов. И в предыдущих отношениях доходило до рукоприкладства. Возможно, из-за ее детской, но при этом дерзкой внешности парни думали, что она не женщина, а девочка, ко-

торой не восхищаются, а владеют. Наверняка ее болезнь тоже играла свою роль в том, что многие видели в Неле жертву.

Как бы то ни было, Давид Кунффер в прошлом, – подумала Неле с внутренним удовлетворением. – Во мне растет будущее.

К счастью, она не дала этому уроду ключ от квартиры.

После того как Неле выставила его за дверь, он преследовал ее какое-то время. Бомбардировал звонками и письмами, в которых пытался заставить сделать аборт, то аргументами («Как невица ты едва зарабатываешь себе на жизнь!»), то угрозами («Будет жаль, если ты упадешь с эскалатора»).

Лишь спустя три месяца, когда сроки легального прерывания беременности истекли, он сдался и окончательно оборвал контакт. За исключением плетеной корзиночки, которая стояла в Пасхальный понедельник перед дверью. Украшенная как детская колыбель. С розовой подушкой и мягким одеяльцем, под которым лежаладохлая крыса.

Неле передернуло при этом воспоминании, и она просунула ладони между подушками дивана, чтобы согреться, хотя в квартире было вовсе не холодно.

Ее лучшая подруга посоветовала позвонить в полицию, но что бы они сделали? Защитники правопорядка были бессильны даже в тот раз, когда какой-то идиот на протяжении нескольких недель протыкал колеса каждой третьей машине на улице. Из-задохлой крысы они уж точно охрану перед

домом не выставят.

Однако Неле взяла на себя расходы и попросила домоуправление заменить замки. Кто знает, вдруг Давид все-таки сделал себе дубликат ключа.

В принципе она была ему благодарна. Не за побои и труп животного, а за мерзкие оскорбления.

Если бы он остался спокойным, она, возможно, прислушалась бы к голосу разума, твердившего, что вынашивать ребенка слишком опасно. Правда, благодаря лечению на ранней стадии эффективными препаратами, вирус иммунодефицита в ее крови больше не обнаруживался, то есть риск заражения почти не поддавался измерению. Но все равно не был нулевым.

Могла ли она вообще на это пойти? При своей болезни в двадцать два года взять на себя такую ответственность? Ребенок. Без финансовой стабильности? Без матери, умершей слишком рано, и без отца, который сбежал за границу?

Убедительные причины, чтобы выбрать не ребенка, а карьеру певицы. Не опухшие ступни, толстые ноги и надутый живот-шар, а продолжение обреченных на неудачу отношений с привлекательным художником-холериком, который зарабатывал на жизнь фокусами на детских праздниках и корпоративах. (Конечно, его настоящее имя было не Давид Купфер, это просто жалкий намек на великого Копперфильда, образец для подражания.)

Она посмотрела на часы.

Такси придет через двадцать пять минут.

В столь раннее время она доберется до больницы меньше чем за полчаса. На час раньше, чем нужно. Оформление было назначено на семь утра. Операция – тремя часами позже.

Это неразумно, – улыбаясь, подумала Неле и обеими руками погладила свой шарик. – Но это было правильным решением.

В последний раз она чувствовала себя так, когда ее врач доктор Клопшток уговаривал ее оставить ребенка. Даже без лечения меньше двадцати процентов младенцев заражались ВИЧ в утробе матери. При хороших показателях ее крови и всех мерах предосторожности, которые были предприняты во время регулярных осмотров, скорее молния ударит в родовой зал во время кесарева сечения.

Но вероятно, и такое уже бывало.

Неле еще не выбрала имя для чуда, которое росло внутри ее. Она даже не знала, девочка это или мальчик. Ей было все равно. Она радовалась новому человеку в своей жизни, независимо от его пола.

Неле в очередной раз переключила телевизионную программу, и неожиданно ее снова бросило в жар. Вот от чего она мечтала избавиться, как только после родов ее тело снова будет принадлежать только ей: чтобы эти приливы наконец прекратились. Неле хотела вытащить ладони из диванных подушек, но пальцы ее правой руки наткнулись на что-то твердое.

Неужели?

Может, это сережки, которые она уже так давно ищет?

Неле потянулась, пошарила правой рукой в поисках застрявшего предмета, и тут ее пронзила резкая боль.

– Ой!

Она выдернула руку и удивилась, увидев кровь на подушечке указательного пальца. Палец пульсировал, как будто ее ужалило какое-то насекомое. Испугавшись, Неле сунула палец в рот и слизала кровь. Потом осмотрела рану. Маленький порез, как от тонкого ножа.

Какого черта?..

Она встала, чтобы доковылять до стола, где в верхнем ящике хранилась упаковка лейкопластыря. Выдвинув ящик, Неле увидела рекламный проспект с апартаментами на острове Рюген. Давид собирался провести с ней там День святого Валентина. Тогда, еще в другие времена.

Единственное, в чем Неле и сегодня отдавала должное своему бывшему, было то, что он не бросил ее после первого свидания, как большинство мужчин, которым она признавалась, что по три раза на дню принимает коктейль из лекарств, чтобы не заболеть СПИДом. Неле действительно думала, он верит ей, что она не проститутка или наркоманка. Что заразилась не из-за иглы или беспорядочного секса с незнакомцами. А из-за бабочки.

Бабочка была очень красивая, и Неле всегда носила ее с собой. На внутренней стороне правого плеча.

Вообще радужный мотылек должен был всю жизнь напоминать Неле о чудесном отпуске в Таиланде. Теперь она постоянно думала о грязной непродезинфицированной игле, которой была сделана татуировка, и о том, как жестоко Бог иногда наказывает юношеское легкомыслие. Видимо, ему гораздо больше не нравились подвыпившие подростки, посещавшие сомнительный тату-салон в квартале с забегаловками на Пхукете, чем сторонники ИГИЛ, сбрасывающие гомосексуалистов с крыш домов.

Неле заклеила лейкопластырем палец, вернулась к дивану и подняла подушку.

Когда ее взгляд упал на серебряный блестящий предмет, она застонала и чуть было не зажала рот рукой.

– Ради всего святого, как *это* здесь оказалось? – прошептала она. Осторожно отцепила лезвие для бритья, которое приклеилось к подушке, словно на жвачку. На самом деле оно было закреплено между диванными подушками с помощью двустороннего скотча, *то есть специально!*

Пораженная до глубины души, Неле опустилась на диван. Лезвие на ладони обжигало, как будто она только что достала его, раскаленное, из каминного огня. Неле содрогнулась, и лезвие, соскользнув с ее ладони, упало рядом на диванную подушку.

С колотящимся сердцем она посмотрела на часы и снова подсчитала минуты до приезда такси.

Еще пятнадцать минут!

Она и пятнадцать секунд не хотела оставаться одна в квартире.

Неле уставилась на лезвие, которое меняло цвет в зависимости от того, какая картинка появлялась на экране телевизора.

Проклятье, как оно очутилось между моими подушниками?

Аккуратно прикрепленное, словно кто-то хотел, чтобы она порезала о него пальцы? И что, черт возьми, было на нем написано?

Лезвие было измазано в ее крови, но теперь, когда при падении оно развернулось на сто восемьдесят градусов, Неле заметила филигранную надпись. От руки, словно сделанную тонким несмываемым маркером.

С отвращением Неле снова взяла лезвие в руку и провела пульсирующим указательным пальцем по буквам.

«Твоя кровь убивает!»

Неосознанно и механически Неле шевелила губами, как школьник, который учится читать.

Моя кровь убивает?

Она закричала.

Не от осознания, что Давид, видимо, как-то проник в квартиру.

А потому, что в ней что-то оборвалось.

Она почувствовала сильную резкую боль, как будто ее ужалил скорпион. В самое чувствительное место. Ощуще-

ние, словно кто-то голыми руками разрывает тонкую нежную кожу.

Короткая интенсивная боль прекратилась, и стало мокро. Потом пришел страх.

Он разрастался, как и пятно у нее между ног. Темное покрывало становилось еще темнее и... это не прекращалось.

Первая ее мысль, которую Неле повторяла снова и снова.
Это не прекращается.

Плодный пузырь лопнул, и отходят воды.

Вторая мысль была еще хуже, потому что она была оправданна.

Слишком рано.

Ребенок появится слишком рано!

Глава 2

Он выживет? Он сможет такое пережить?

Лезвие было забыто и не играло больше никакой роли. В панике Неле могла сформулировать только одну единственную мысль:

Но ведь врач уже несколько недель назад сказал, что с этого момента мой ребенок жизнеспособен, разве нет?

Согласно расчетам, малыш должен появиться на свет лишь через четырнадцать дней.

При кесаревом сечении риск заражения ребенка значительно ниже, поэтому ради безопасности дату операции передвинули вперед. Чтобы избежать именно того, что сейчас происходило: начала естественных родов.

Можно ли вообще оперировать после того, как лопнул пузырь с околоплодными водами?

Неле этого не знала. Она лишь горячо надеялась, что ее кроха (так она называла существо внутри себя) появится на свет здоровым.

Проклятье, когда придет такси?

Еще восемь минут.

И они ей понадобятся.

Неле встала, и ей показалось, что воды вытекли окончательно.

Это навредит ребенку? Перед глазами мелькнула жуткая

картинка: малыш в ее утробе тщетно хватается ртом воздух, как рыба, выброшенная на сушу.

Она доковыляла до двери и схватила приготовленную для больницы сумку.

Сменное нижнее белье, широкие штаны, ночные рубашки, чулки, зубная щетка и косметика. И конечно, пакет с антивирусными средствами. Она упаковала даже подгузники первого размера, хотя они наверняка были в клинике.

Но Юлиана, ее акушерка, сказала, что невозможно быть слишком хорошо подготовленной, потому что все всегда идет не так, как предполагаешь. Что сейчас и происходило.

О боже.

Страх.

Она распахнула дверь.

Еще никогда Неле не испытывала такого страха за кого-то другого. И еще никогда не чувствовала себя такой одинокой.

Без отца ребенка. Без лучшей подруги, которая уехала в турне по Финляндии с музыкальной группой.

На лестничной клетке она ненадолго остановилась.

Может, стоит переодеться? Мокрые спортивные штаны напоминали холодную тряпку между ног. Нужно было посмотреть, какого цвета околоплодные воды. Если зеленого – ей нельзя даже двигаться, или это если желтого?

Но если это был неправильный цвет, а она уже пошевелилась, то не надо делать еще хуже и возвращаться, чтобы надеть что-нибудь сухое. Или все-таки вернуться?

Неле захлопнула дверь. Спускаясь по лестнице, она крепко держалась за перила и радовалась, что в такую рань ей никто не встретился.

Она стыдилась, хотя и не знала чего, потому что рождение ребенка, вообще-то, естественная вещь. Но, судя по личному опыту, очень немногие хотели быть непосредственно вовлечены в этот процесс. И у нее не было желания слушать лицемерные или смущенные предложения помощи от соседей, с которыми она в обычной жизни едва обменивалась парой слов.

Спустившись, она отперла входную дверь и вышла на осенний воздух, пахнувший листвой и землей. Видимо, только что закончился дождь.

Асфальт широкой Ханзаштрассе блестел в ярком свете уличных фонарей. Перед бордюром собралась лужа, и в ней – слава богу – уже ждало такси. За четыре минуты до назначенного времени. Но ни секундой раньше, чем было нужно. Как раз вовремя.

Водитель, который, прислонясь к своему «мерседесу», читал книгу, положил толстый том через опущенное стекло на пассажирское сиденье и провел ладонью по темным волосам до плеч. Затем поспешил к Неле, когда заметил, что с ее шаркающей походкой что-то не так. Наверное, он подумал, что она ранена или что сумка слишком тяжелая, раз Неле шла, немного согнувшись вперед. А может, просто был вежливым.

– Доброе утро, – кратко поприветствовал он и взял у нее сумку.

– В аэропорт?

Таксист говорил с легким берлинским акцентом, и его дыхание пахло кофе. Джемпер с V-образным вырезом был велик ему на один размер, как и вельветовые брюки, которые при каждом шаге грозили сползти с его узких бедер. Наполовину открытые сандалии «Биркеншток» и очки а-ля Стив Джобс завершали стереотипный образ студента-социолога, подрабатывающего в такси.

– Нет. В Вирхов. Веддинг.

Он понимающе улыбнулся, когда его взгляд скользнул по ее животу.

– Все ясно. Без проблем.

Он придержал ей дверцу машины. Если и заметил ее промокшие штаны, то оказался слишком вежливым, чтобы что-то сказать. Вероятно, во время своих ночных туров он видел более омерзительные вещи и поэтому обтянул задние сиденья в машине пластиковыми чехлами.

– Тогда поехали.

Неле села в автомобиль с чувством беспокойства, что забыла что-то важное, хотя обеими руками сжимала больничную сумку, в которой, помимо всего прочего, лежали ее содовый, зарядное устройство и кошелек.

Мой отец!

Пока машина трогалась с места, Неле прикинула в уме

разницу во времени и решила отправить эсэмэску. Не то чтобы она боялась позвонить своему отцу в Буэнос-Айрес в это время. Просто не хотела, чтобы он уловил тревогу в ее голосе.

Неле задумалась, писать ли о разрыве плодного пузыря, но зачем без необходимости волновать отца? К тому же его это не касалось. Он был ее отцом, а не доверенным лицом. Она хотела, чтобы он был рядом, не по эмоциональным, а по чисто практическим причинам.

Он бросил маму. И теперь должен был загладить свою вину и помочь Неле с крохой – даже если его отцовская поддержка будет ограничиваться исполнением поручений, покупками и финансовой помощью. Ребенка она ему точно не доверит. Она даже не хотела видеть его до родов и просила прилететь самое раннее в день операции.

«Начинается!» – напечатала она в сотовом и отправила сообщение. Коротко и ясно. Она знала, что отсутствие обращения ранит его. И немного стыдилась своего холодного стиля. Но потом вспомнила глаза матери. Распахнутые, пустые, полные смертельного страха, который ей в самом конце пришлось переживать в одиночку, и Неле решила, что даже слишком добра к отцу. Он вообще должен считать себя счастливым, что она послушала своего терапевта и спустя столько лет возобновила с ним контакт.

Неле посмотрела вперед и заметила засунутый между ручным тормозом и водительским сиденьем зеленый увесистый

том, который до этого листал водитель.

*Pschyrembel*¹.

Значит, студент не социологического, а медицинского факультета.

Потом Неле удивилась.

– Эй, вы забыли выставить время, – сказала она.

– Как, что? А... проклятье!

На красном светофоре студент принялся стучать по таксометру. Видимо, тот был сломан.

– Уже в третий раз... – возмущался парень.

Сзади подъехал мотоцикл.

Неле повернулась в сторону, когда он остановился прямо напротив ее окна. Водитель был в зеркальном шлеме, поэтому она увидела только свое отражение, когда он наклонился к ней. Его машина клочкотала, как бурлящее лавовое озеро.

Растерянная и испуганная, Неле снова посмотрела вперед.

– Зеленый! – пискнула она.

Студент поднял глаза и извинился.

Взгляд Неле опять переместился вбок.

Мотоциклист не трогался с места. Вместо этого он коснулся шлема в знак приветствия, и Неле буквально почувствовала дьявольскую улыбку, в которой парень наверняка расплылся под шлемом.

Давид, – пронеслось в голове у Неле.

¹ Медицинский справочник, клинический словарь. Назван по фамилии гинеколога В. Пшурембея.

– Поездка за мой счет.

– Как вы сказали?

Студент подмигнул ей в зеркало заднего вида и включил передачу.

– Вам повезло. Таксометр накрылся, вам не нужно платить, Неле.

Последнее слово студента разрезало воздух и прямоком вошло в ее сознание.

– Откуда?..

Откуда он знает мое имя?

– Кто вы?

Неле заметила, что они медленно покатались вперед и за светофором свернули направо на какую-то подъездную дорожку.

– Где мы?

Она увидела разорванный проволочный забор, за которым – как пальцы окоченевшего трупа – возвышались две заводские дымовые трубы.

Такси, покачиваясь на кочках и неровностях, въехало на территорию давно заброшенной фабрики.

Неле схватилась за ручку. Подергала дверь.

– Остановите. Я хочу выйти.

Водитель обернулся и уставился на ее набухшие груди.

– Не волнуйтесь, – успокоил он ее с улыбкой, которая выглядела неуместно робкой и безобидной.

Следующие пять слов ошарашили Неле больше, чем все,

что она когда-либо слышала в своей жизни.

– Я лишь хочу вашего молока.

Внутренний кулак со всей силой ударил в самую чувствительную точку ее живота.

– А-а-а-а! – крикнула она в ответ студенту, который смотрел на нее в зеркало заднего вида, пока лучи фар скользили по ржавому указателю.

«Хлев», – прочитала Неле.

Затем схватки достигли первого пика.

Глава 3

Матс.

Буэнос-Айрес.

23:31 местного времени

«Начинается!»

Матс Крюгер поставил кейс в проход и достал сотовый, чтобы еще раз прочитать эсэмэску от своей дочери, как будто в односложном сообщении скрывалось тайное послание, которое не удалось разгадать при первом прочтении.

Платком он вытер пот со лба, недоумевая, что за заминка произошла на уровне четырнадцатого ряда. Рейс задерживался уже на полчаса. Белый верхний свет заливал салон новенького самолета с сиреневыми креслами, пахло освежителем воздуха и чистящим средством для ковров. С навязчивым шумом турбины в ушах, Матс стоял спиной к кабине пилота с правой стороны прохода огромной машины. Двадцать четыре метра в высоту, выше, чем девятиэтажное офисное здание – или чем «пять жирафов», как написала об этом авиалайнере одна ежедневная газета.

Журналист, предпочитающий сравнения с животными, высчитал, что длина самолета равна двум лежащим друг за другом голубым китам.

«Начинается!»

Сообщение, которое Матс получил за четыре минуты до посадки, одновременно окрылило его и остудило.

Он радовался, что скоро увидит своего первого внука и, возможно, даже сможет подержать его на руках. В то же время он боялся увидеть в глазах Неле ту же холодность, с которой она формулировала свои короткие сообщения.

Лишь старый дурак мог надеяться, что она простит его. А Матс – хотя и ощущал себя старым – дураком не был. Он знал, *что* разрушил тогда, когда бросил ее мать, и все еще не был уверен, зачем Неле попросила его приехать в Германию к рождению своего первенца. Протягивала руку, чтобы осторожно начать все заново? Или чтобы дать ему пощечину?

– Ну наконец-то, – проворчал впереди мужчина с рюкзаком, и действительно очередь снова двинулась.

Ну наконец-то?

Матс предпочел бы постоять в проходе, пока этот пяти-сотшестидесятитонный колосс еще находился на земле. Четыре года назад он приплыл на грузовом судне в Аргентину, чтобы устроиться психиатром в Буэнос-Айресе. Он боялся летать, даже посещал семинар по аэрофобии, но это не очень помогло. Предложения типа *«Смирись со своим страхом и не старайтесь его перебороть»* или *«Пытайтесь делать более длинные выдохи, чем вдохи»* он и сам часто говорил своим пациентам с фобиями и знал, что многим эти советы помогли. Но это не изменило его убеждения, что человек не создан для того, чтобы мчаться в летающей металлической

трубе избыточного давления через тропосферу на высоте десять тысяч метров. Человеку прямоходящему просто не место в этой враждебной обстановке; при внешней температуре минус пятьдесят пять градусов малейшая ошибка могла привести к катастрофе.

Матс беспокоился не столько из-за технических аспектов, сколько из-за основного источника ошибок, приводящего к большинству жертв как на земле, так и на воде, – человека. И мало на каком другом маршруте у человека было столько возможностей доказать свое несовершенство, как на предстоящем ему.

Для своего первого – спустя двадцать лет – полета Матс выбрал не только самый большой в мире пассажирский авиалайнер, но и один из самых дальних прямых рейсов гражданской авиации. Одиннадцать тысяч девятьсот километров от Буэнос-Айреса до Берлина летающий колосс преодолевал за тринадцать часов. Не считая часа, который требовался шестистам восьми пассажирам, чтобы найти свое место в двухуровневом лайнере. Матс предпочел бы снова поплыть на корабле, все-таки он узнал о беременности Неле несколько недель назад, но в это время года подходящих трансатлантических круизов не было.

Начинается!

Матс протиснулся со своим кейсом мимо пахнувшей кофе бортовой кухни, которая находилась на уровне центрального аварийного выхода прямо над крыльями, как фраза какой-то

взволнованной женщины заставила его остановиться.

– Вы меня не понимаете!

Ключевые слова для психиатра.

Матс посмотрел налево в кухню на высокого стюарда, чья темно-синяя униформа казалась сшитой на заказ. Мужчина стоял рядом с кофемашиной и беседовал с молодой рыжеволосой женщиной, которая держала на руках ребенка.

Снаружи было двадцать восемь градусов, но нагеленные волосы стюарда выглядели так, словно он только что попал под моросящий дождь с сильным ветром. Лишь со второго взгляда можно было заметить, что эта прическа с эффектом растрепанности стоила ему продолжительного времени, проведенного перед зеркалом.

– Мне действительно очень жаль.

Стюард умудрился понимающе кивать и одновременно незаметно коситься на массивные наручные часы, в то время как мать ловко удерживала на бедре своего лепечущего ребенка.

– При онлайн-бронировании мне подтвердили место для пассажиров с детьми, – устало сказала женщина. Она повернулась спиной к Матсу, но по дрожащему голосу он догадывался, что она вот-вот расплачется.

– По-моему, старик передо мной заснул, – услышал Матс недовольный голос подростка. Теперь он блокировал проход, но интерес к эмоциональному конфликту на бортовой кухне был слишком велик, поэтому он сделал шаг в сторону,

чтобы пропустить остальных пассажиров.

– Я очень хорошо вас понимаю. – Стюард попытался успокоить мать. Его прямая уверенная осанка говорила о большом опыте и профессиональной компетентности, но голос выдавал нетерпение. – Но я ничего не могу сделать. К сожалению, в Чили нас обеспечили не теми детскими люльками. Они не помещаются в крепления для перегородки перед вашим креслом.

– И я теперь должна тринадцать часов держать ребенка на коленях?

Она качнула бедрами, чтобы успокоить захныкавшего младенца.

– У Зуцы колики, – пояснила она. – Я боюсь, что она всю ночь будет кричать, если ее не уложить.

Еще один понимающий кивок, еще один взгляд на часы.

– Я бы очень хотел это исправить, но, к сожалению, ничем не могу вам помочь.

– Возможно, я смогу. – Матс услышал свой собственный голос и тут же пожалел, что вмешался.

Две пары удивленных глаз уставились на него.

– Простите, что вы сказали? – спросила мать, обернувшись к Матсу.

Свет в бортовой кухне, которая, насколько Матс знал, официально называлась «камбуз», был ярким и неприветливым. Он подчеркивал каждый недостаток кожи и каждую морщину на лице молодой женщины. Ее глаза были красны-

ми, как и волосы, и она выглядела такой же уставшей, каким он себя чувствовал. Она нанесла на губы неяркую помаду, которая подходила к ее веснушкам, а украшения и одежда говорили о том, что, несмотря на беспомощного младенца на руках, она хотела, чтобы ее воспринимали не только как мать, но и как женщину.

– Вы можете занять мое место.

Первые – за долгое время – немецкие слова неуклюже сорвались с его губ, и едва он услышал себя, как пожалел, что они не застряли у него в горле.

– Ваше место? – переспросила мать.

Его наметанный глаз уловил минимальное сокращение ее круговой глазной мышцы. Какой бы уставшей ни была молодая женщина, ее мускулатура непроизвольно просигнализировала Матсу верный признак искренней радости.

– Я могу предложить вам место 7А, – подтвердил Матс.

– Это бизнес-класс, – удивленно произнес стюард. На серебряном бейдже на лацкане сверкала надпись «Валентино», и Матс не знал, фамилия это или имя белокурого красавчика.

Возможно, тот задавался сразу двумя вопросами: почему мужчина уступил совершенно незнакомой женщине свое удобное место на таком длинном рейсе и что он тогда делал в экономклассе?

– Боюсь, в бизнес-классе тоже нет люльки для вашей малышки, – вставил он.

– Но сиденья настолько широкие, что Зуца сможет удобно лежать рядом с вами, – перебил его Матс и указал на девочку. – Если верить рекламе, кресло можно превратить в кровать.

– И вы действительно хотите уступить мне это место? – недоверчиво спросила мать.

Нет, – подумал Матс и еще раз спросил себя, какой черт его дернул. Волнение усиливает страх. Простая формула. Он ведь твердо решил пройти к своему месту, наизусть выучить заламинированный листок с инструкцией по безопасности, проверить расстояние до аварийных выходов и, после всех демонстраций бортового персонала, начать свой ауто-тренинг. И вот отклонился от своего плана уже в первые минуты посадки.

Какая-то контрпродуктивная глупость!

И к тому же, как он мог взять на себя такую ответственность и уступить место 7А именно матери с ребенком?

Но с ним такое часто случалось. На работе со своими пациентами он был воплощением спокойствия и благоразумия. В частной жизни ему постоянно приходилось бороться с раздражением, которое появлялось из-за его эмоциональных колебаний.

Так как взять свое импульсивное предложение обратно теперь уже было нельзя, Матс лишь спросил:

– Так вы берете мое место?

По лицу матери пробежала тень, и уже не нужно было раз-

бираться в мимических микровыражениях лица, чтобы увидеть в ее глазах разочарование.

– Видите ли, господин...

– Крюгер.

– Рада с вами познакомиться, господин Крюгер. Меня зовут Салина Пиль. Видите ли, проблема не только в люльке. – Она указала на стенку, которая отделяла бортовую кухню от пассажирского салона и за которой где-то в глубине самолета находилось ее место. – Я сижу с группой подвыпивших шумных мужчин. Вы действительно согласны на такую компанию?

Проклятье.

Если бы Салина просто вежливо отказалась, он, наверное, дружелюбно кивнул, попрощался и прошел бы дальше. Но сейчас, зная, что она вдвойне нуждалась в помощи, он не мог бросить ее в беде.

– Мое предложение не такое уж и великодушное. Видите ли, я не собираюсь меняться с вами местами. У меня есть еще одно место на борту.

– Но... почему? – Она удивленно посмотрела на него.

– Я очень боюсь летать. Готовясь к этому полету, я проанализировал все доступные статистические данные по крушениям самолетов. Согласно статистике, есть места, на которых в случае катастрофы у пассажиров более высокие шансы выжить, чем на других.

Стюард приподнял одну бровь.

– И что?

– И я их все выкупил.

– Серьезно? – спросила Салина.

– По крайней мере, насколько это было возможно.

– А, так это вы, – сказал Валентино.

Матс не удивился, что был знаком бортовому персоналу. Слухи о его странном бронировании наверняка уже распространились среди членов экипажа.

– Сколько же мест вы забронировали? – поинтересовалась Салина.

– Четыре. Помимо А7 в бизнес-классе, еще 19F, 23D и 47F.

Глаза Салины округлились.

– Четыре? – не веря своим ушам, переспросила она.

Вообще-то он хотел забронировать семь, но другие места были уже заняты. Хотя и со свободными местами возникли немалые проблемы. Авиакомпания предлагала возможность онлайн-бронирования для людей с избыточным весом, которым было необходимо два кресла. Но они, естественно, располагались рядом, а не в разных концах салона. Он сделал огромное количество звонков и написал множество мейлов, прежде чем сумел объяснить авиакомпании свои пожелания и убедить ответственных лиц, что он не сумасшедший и не террорист. Затем последовали проблемы с кредитным лимитом банковской карты, потому что его аэрофобия стоила, конечно, целого состояния. К счастью, он неплохо зарабатывал

и, будучи одиноким, много лет жил достаточно скромно.

– Но зачем? Разве вы не могли просто выбрать одно место? – хотела знать Салина.

– Я собираюсь менять их во время полета, – объяснил Матс, чтобы окончательно всех запутать. – Безопасность мест зависит от того, взлетаем мы или садимся, пролетаем над сушей или водой.

Молодая мать нервно схватилась за волосы.

– И на каком этапе полета вы захотите вернуться в бизнес-класс?

– Ни на каком.

Если бы он разделся и начал танцевать перед ней голышом, женщина была бы меньше сбита с толку.

Матс вздохнул. Его все равно уже заклеямили чудачком, поэтому он решил сказать правду:

– В 2013 году американские ученые провели испытание с крушением пассажирского самолета в пустыне на границе с Мексикой. Своеобразный краш-тест для гражданской авиации.

– И в результате выяснилось, что место 7А самое безопасное? – спросила Салина.

У Валентино, похоже, пропал дар речи. Его челюсть отвисла еще больше, когда Матс объяснил:

– Деформация машины, участвовавшей в краш-тесте, показала, что в случае крушения первые семь рядов находятся в смертельно опасной зоне. Кресло 7А даже выбросило из

«боинга».

Ребенок закашлял, потом начал тихо хныкать, а Матс закончил:

– 7А самое опасное место в самолете. Я забронировал его из суеверия. Просто хотел, чтобы оно обязательно осталось пустым на этом рейсе.

Глава 4

«Шансы на выживание девяносто пять процентов!»

Матс знал статистику до того, как ведущий семинара с самоуверенной улыбкой озвучил ее группе людей, страдающих аэрофобией.

«Даже если что-то вдруг произойдет, в случае крушения ваши шансы на выживание составляют девяносто пять процентов. Летать на самолете так же опасно, как ездить на лифте».

Аргентинский пилот не мог знать, что выбрал самое неудачное сравнение, чтобы подготовить своего наиболее проблемного пробанда к этому ночному перелету. В старинном многоквартирном доме в Реколете², где Матс держал психиатрическую частную практику, два года назад во время самовольных технических работ кабиной лифта был раздавлен управляющий домом. И Матс слышал его последние гортанные крики, когда собрался домой чуть позже обычного и тщетно ждал лифта на пятом этаже.

Но Матс не хотел быть несправедливым. Другим участникам ведущий семинара наверняка помог своими фактами и статистическими данными. Матс просто оказался безнадежным слушателем.

² Район в центре Буэнос-Айреса, один из самых дорогих жилых районов города.

Он несколько недель готовился к этому полету, прочитал все отчеты о крушениях и даже изучил конструкции бесчисленных самолетов, а теперь отказался от собственных намерений уже при посадке. Предложил незнакомым пассажирам одно из тщательно выбранных мест, потерял драгоценное время, и вот это произошло: на самом важном из всех мест – том, которое он выбрал для взлета, – сидел мертвец!

Сравнение исключительно подходило спящему, который оккупировал кресло 47F, развернувшись всем телом к окну. На нем была соломенная шляпа, напомнившая Матсу нелепую модель, которую жена купила ему в Испании на пляже во время их свадебного путешествия. Шляпа сползла, и лицо было невозможно разглядеть. Матс не замечал и никаких движений грудной клетки под серым шерстяным пледом, в который закутался мужчина.

Он или слишком устал, или обладал завидной способностью спать глубоким сном даже в самой беспокойной и шумной обстановке.

Матс еще раз посмотрел на распечатанный билет, убедился, что стоит в правильном ряду, и подумал, как ему сейчас поступить.

Может, это дурное предзнаменование, что он уступил свое место в бизнес-классе молодой матери?

Только что он чувствовал себя маленьким героем, когда она чрезмерно и со слезами на глазах трясла ему руку. «Загуглите Салину Пиль, – сказала она ему на прощание. – Piel-

Pictures, я фотограф. Если вам когда-то понадобится портрет или семейное фото, или что-нибудь в этом роде, просто позвоните мне. Я ваша должница».

Ну что же, теперь его решение уже не казалось таким правильным. Что, если он бросил вызов судьбе, когда предложил матери с ребенком самое опасное место в самолете, и в качестве наказания кресло 47F было сейчас занято коматозным пассажиром, который не реагировал ни на обращения, ни на осторожные прикосновения, ни на грубое потряхивание за плечо.

И что теперь?

Оба места рядом со спящим были еще пустыми и, если повезет, такими и останутся. Только что прозвучало объявление «Посадка закончена».

Ничего не поделаешь, – вздохнул про себя Матс.

Он положил кейс на среднее кресло, а сам сел у прохода.

В принципе, он даже не был на сто процентов уверен в точности своих расчетов.

В скрупулезной подготовке к полету Матс раздобыл план салона самолета LANSA-508. Того самого «Локхид Электра», который 24 декабря 1971 года летел из Лимы в Пукальпу. Во время грозы машина развалилась в воздухе и после удара молнии упала в перуанский тропический лес. Все находившиеся на борту погибли.

Все, кроме Джулианы Кёпке. Рождественское чудо. Семнадцатилетнюю девушку выбросило из самолета. Еще при-

стегнутая к своему креслу, она упала вниз с высоты около трех тысяч двухсот метров. И единственная выжила в этой катастрофе, отделавшись лишь переломом ключицы, ушибом руки и отеком глаза.

Ее место? 19F!

Конечно, «локхид» был тогда самолетом совсем другого типа, намного меньше. Но в целом трубчатая форма и расположение кресел за эти десятилетия почти не изменились. Матс сопоставил стартовый вес, длину, ширину, высоту и объем обоих самолетов, и если не ошибся, то 47F примерно соответствовало месту Джулианы Кёпке.

Чье спасение наука до сих пор не может объяснить.

Но если она пережила на этом месте крушение на высоте более трех километров, то сидеть там, по крайней мере, не повредит, если несчастье случится в одной из самых опасных фаз полета: во время взлета.

– Бойтесь летать? – услышал он хриплый голос рядом.

Матс повернулся налево к месту у прохода в среднем ряду и увидел приветливо улыбавшегося мужчину, который пришел вслед за ним и только что уселся в свое кресло. Он напомним Матсу одного известного британского актера. Но так как у Матса была катастрофическая память на имена, он не сообразил, на кого именно походил этот мужчина с седой, аккуратно подстриженной бородой и обветренным загорелым лицом яхтсмена.

– Простите? – спросил он, и мужчина весело подмигнул.

На шее у него висела надувная фиолетовая подушка, напоминавшая ортопедический воротник, который носят пациенты с хлыстовой травмой.

– Вы ведь говорите по-немецки?

Матс кивнул.

– Извините мою прямолинейность, но вы бы взглянули на себя в зеркало. Честно, вы очень похожи на типа из одного документального фильма. Правда, тот сидел не в самолете, а на электрическом стуле в Техасе. – Он смеялся и говорил с неповторимым берлинским акцентом, который напоминал Матсу о стольких чудесных вещах: о закусочной на Мерингдамм, куда он всегда приходил со своей невестой Катариной после ночных танцев. О громко ругающемся таксисте, который заблудился по дороге в ЗАГС. О том, как управляющая домом, где они снимали первое совместное жилье, расплакалась от радости, в первый раз увидев Неле в детской коляске. Правда, этот диалект напоминал ему и о пастыре церкви, который говорил с берлинским акцентом, лишь когда сердился. А он наверняка сердился в день похорон Катарины. На которые Матс не пришел.

– Рюдигер Траутман.

Пассажир протянул ему руку через проход, и Матсу пришлось сначала вытереть вспотевшие пальцы о брюки, прежде чем обменяться рукопожатием.

Страх – любил говорить своим пациентам Матс, – как удав обыкновенный, которого люди держат в качестве домашнего

питомца. Они думают, что приручили дикое животное и могут спокойно положить его себе вокруг шеи. Но иногда, безо всякого предупреждения, змея вдруг сжимает кольцо. Обвивается вокруг груди, не дает дышать, заставляет учащаться пульс. Так плохо Матсу еще никогда не было.

Он чувствовал, как змея сдавливала все сильнее, но еще не достиг того состояния, чтобы с криком вскочить и, неловко размахивая руками, попытаться скинуть с себя невидимого, тихо шипящего виновника его страха.

– Матс Крюгер, – представился он соседу по проходу, умолчав о своей докторской степени.

В отличие от коллег Матс не придавал особого значения ученому званию и даже не вписал его в паспорт. Хотя его докторскую диссертацию и сегодня цитировали в основных работах о посттравматических стрессовых расстройствах.

– Простите. Моя подруга говорит, что я слишком много болтаю, – сказал Траутман, который, видимо, ложно интерпретировал тревогу в глазах Матса. – Не волнуйтесь, что я буду трепаться весь полет. Я сейчас приму свою таблетку за двенадцать тысяч долларов.

Траутман с трудом повернулся в сторону, чтобы достать из заднего кармана джинсов маленькую белую упаковку лекарства.

– Таблетка за двенадцать тысяч долларов? – переспросил Матс, заметив, что отвлечение пошло ему на пользу. Змея

не ослабляла, но и не усиливала объятия, пока он беседовал с чудаковатым, но приятным попутчиком.

– У вас есть палка для селфи? – спросил тот.

– Что?

– Значит, нет. Но вы же знаете эти штуки – люди делают из себя посмешище, когда вставляют в них телефоны, чтобы сфотографироваться?

– Да, да, конечно.

– Это я. Своевременно вложился в одну фирму, которая производила эти приспособления для фотографирования.

– Ну, дело того стоило.

Траутман засмеялся.

– Можно и так сказать.

Он наклонился через подлокотник в проход, словно хотел шепнуть Матсу что-то на ухо. При этом говорил так громко, что его голос наверняка доносился до следующего аварийного выхода.

– Я мог бы сидеть далеко впереди. – Он указал в сторону кабины пилота. – В первом классе за двенадцать тысяч долларов. Попивать шампусик, есть с фарфоровых тарелок и пялиться со своей мягкой постели на соблазнительные попки стюардесс, но разве я идиот?

– Полагаю, это риторический вопрос.

Траутман рассмеялся еще громче.

– Именно. Я не идиот. И поэтому глотаю вот эту таблетку. Он выдавил таблетку из блистера и покатал между боль-

шим и указательным пальцами.

Лоразепам, предположил Матс.

– Я сейчас закинусь этим дьявольским средством, и через пять минут отключусь, как будто жена вырубил меня ударом молотка. Ничего не буду воспринимать. И сэкономлю бабло за первый класс. Быстрее и проще даже с палками для селфи не заработать. Ну, что скажете? Хотите и вы такую таблетку? Предлагаю за полцены.

Он рассмеялся, словно рассказал достойную кино шутку.

– Нет, спасибо, – ответил Матс, хотя предложение казалось соблазнительным. Вначале он действительно подумывал, не отправиться ли с помощью бензодиазепина в страну грез на время полета. Но тогда в случае катастрофы он обязательно погибнет; например, не сможет добраться до запасного выхода в горящем самолете.

– Я предпочитаю бодрствовать, – сказал он.

– Как хотите. – Траутман пожал плечами и скинул с ног лоферы с кисточками. Потом запил таблетку остатками воды из бутылки, которую, видимо, купил в автомате у выхода на посадку.

В эту секунду Матс понял, кого напоминал ему этот колосс, который, как нечто само собой разумеющееся, занял мощными локтями оба подлокотника. Он походил на Шона Коннери, только был упитаннее.

– Тогда хорошего полета, приятель, – сказал Траутман, склонил голову на подушку для шеи, сложил руки на вну-

шительном животе на уровне пряжки ремня безопасности и закрыл глаза. – Все будет в ажуре.

Ага, конечно. В ажуре.

Матс посмотрел направо, на другого пассажира, который уже давно спал у окна.

Потом пощелкал по сенсорному монитору, который был встроен в спинку впереди стоящего кресла, и поискал ролик с правилами безопасности, который должен был разъяснить ему, как вести себя в случае катастрофы.

Сзади подошла стюардесса, оглядывая ряды и проверяя, пристегнуты ли пассажиры.

Она благодарно улыбнулась Матсу, когда он показал ей свою застегнутую пряжку, но не стала будить спящего на месте 47F, хотя не могла видеть, пристегнут ли тот под пледом.

«Извините, вы кое-что забыли», – хотел крикнуть ей вслед Матс, который не терпел небрежности в вопросах безопасности. Но тут змея страха внезапно сдавила его, и у Матса не только перехватило дыхание, но и отказал голос.

Какого черта...

Он снова посмотрел направо. Весь в поту. С невероятным давлением в груди.

Я это действительно только что слышал?

Матс был не уверен, но ему показалось, что мужчина в шляпе, оккупировавший его место у окна, только что говорил во сне. И хотя он произнес одно единственное слово, оно невероятно смутило Матса.

Потому что это слово было «Неле».
Имя его дочери.

Глава 5

Неле

Сарай с остроконечной крышей был длинным, как футбольное поле, и таким высоким, что туда поместился бы двухэтажный автобус.

Здесь пахло экскрементами, старым сеном и влажной золой. И хотя металлическая кровля и тонкие сборные стены здания наверняка изолировали плохо, внутри было неприятно душно даже в такую рань. И холодный пот катился по спине у Неле в основном от страха.

– Где мы? – спросила она водителя такси, который связал ей кабельными стяжками руки и даже ноги.

На больничной койке!

Мужчина с волосами до плеч и круглыми никелированными очками не ответил.

Он вообще не произнес больше ни одного слова с тех пор, как воспользовался первой схваткой и вытащил беззащитную Неле из такси. Пристегнув к громыхающей металлической раме для матраса, он катил ее по этому ужасному пустому пыточному барaku.

Неле уже испытала тренировочные схватки, но – что бы ее тело ни хотело испробовать на тридцатой неделе беременности – к невыносимым схваткам, которые внезапно одолели

ее на заднем сиденье такси, она и близко не была готова. По ощущениям, кто-то, предварительно окунув кулаки в кислоту, пытался вытащить ее матку наружу, но не знал точно, в каком направлении тянуть, потому что боль отдавалась как во влагище, так и в спину.

– ГДЕ МЫ?

Ее голос гулко звучал в пустом бараке без окон. Свет шел от многочисленных строительных ламп, которые свисали с деревянной балки под потолком на беспорядочном расстоянии друг от друга.

– Раньше здесь держали коров.

Неле, которая не рассчитывала на ответ, приподняла голову, а таксист продолжал катить ее койку по неровному решетчатому полу, мимо погнутых прутьев и ржавых труб, которые образовывали справа и слева от прохода своего рода решетчатый забор.

Неле вспомнила об указателе «Хлев», который видела при подъезде, и действительно, пахло скотоводческим хозяйством, хотя – судя по грязи и состоянию сарая – это было в далеком прошлом.

Здесь имелись стойла, но они были не из дерева или камня, как в конюшнях, а напоминали клетки – металлические трубчатые конструкции, пропускающие свет и воздух, по размеру меньше парковочного места.

Я в тюрьме! – была первая мысль Неле. Ей казалось, что ее везут по тюремному проходу, мимо камер, в которых

раньше держали на цепи животных. — *А теперь одна из этих камер моя!*

— Скоро будем на месте, — сказал ее похититель, который оказался не таксистом или студентом, а просто сумасшедшим. Куда мог вообще вести проход в этом жутком сарае?

Все стало еще более зловещим, когда сумасшедший принялся говорить сам с собой, шепотом, явно стремясь приободриться.

— Хорошо, что укол не понадобился. Конечно, я бы справился, я ведь тренировался, но так лучше. Да, так намного лучше.

— Черт возьми, о чем это вы?! — крикнула Неле.

— Наверное, в данный момент вы считаете иначе, но хорошо, что схватки уже начались. Иначе мне пришлось бы ввести вам окситоцин, чтобы вызвать их искусственным способом.

Неожиданно посветлело, и Неле снова подняла голову. Ее сознание отчаянно отказывалось понимать весь масштаб происходящего ужаса.

Хлев сбоку от нее внушал еще больший страх: с краю места, огороженного металлическими прутьями, стоял штатив с профессиональной видеокамерой. А на плохо подметенном бетонном полу с прорезями лежала тяжелая металлическая цепь. Она тянулась к невысокой, достигающей до бедра, пластиковой коробке, оснащенной откидным решетчатым окошком и напоминающей переноску для животных в

самолете.

– Нет! – крикнула Неле и начала дергаться. – НЕЕЕЕЕТ!

Самым жутким в этом сценарии был не тот факт, что прутья ограждения были погнуты так, что сумасшедший мог заставить Неле просунуть голову внутрь. Как корову перед убоим! И не то, что цепь была предназначена для того, чтобы приковать ее к столбу, как беспомощное животное, и лишить возможности двигаться.

Неле закричала из-за надписей.

На деревянной балке, прямо над огороженным местом.

«НЕЛЕ» значилось над стойлом, которое было, видимо, отведено для нее и койки. А над пластиковой коробкой было написано «РЕБЕНОК НЕЛЕ».

– Что ты собираешься со мной делать?

От страха ее голос потерял всякое выражение. Она говорила словно робот.

К ее удивлению, похититель извинился.

– Мне очень жаль, – сказал он, отодвинул металлическую решетку в сторону и прошел за койку.

– Мне очень жаль, но по-другому не получается.

Он откатил койку в воняющее коровьим навозом стойло.

И если бы Неле не увидела его слезы, то начала бы сомневаться в собственном рассудке. Потому что она ясно слышала это в надтреснуто-дрожащем голосе. Несмотря на свой страх. Несмотря на безнадежность, которую ее похититель по непонятной причине делил с ней.

Он плакал.

Горько плакал.

Глава 6

Матс.

Еще 13 часов и 5 минут до запланированной посадки в Берлине

Они стартовали, и Матс никак не мог избавиться от голоса в голове.

Ну что такое тысяча погибших? – спрашивал он голос разума, который немного напоминал голос ведущего семинара для страдающих аэрофобией. С одной лишь разницей, что звучал немного хрипло и был едва различим в шуме ускоряющегося «эйрбаса». Матс вцепился пальцами в подлокотники и опустил голову. – *Ничего. С точки зрения статистики тысяча погибших в год не в счет.*

Он все это знал, но ему было безразлично.

Статистика не помогала. Наоборот.

К моменту, когда свет в салоне моргнул, а потом заработали двигатели, он уже был уверен в лживости всех исследований и экстраполяций, согласно которым самолет считался самым надежным средством передвижения в мире; «всего» тысяча погибших на шестьдесят миллионов полетов в год.

«Это 0,003 погибших на один миллиард пассажирокилометров», – рассчитал им тогда ведущий семинара и засмеялся. Это было так мало, что Федеральное статистическое

агентство округлило показатель до нуля. Таким образом, статистически во время полета вообще отсутствовал риск смертельного несчастного случая.

«Расскажи это родственникам пассажиров, чей самолет не так давно исчез с радаров над Индийским океаном», — хихикала змея страха, которая уже обвилась вокруг шеи Матса и все сильнее сжимала кольцо своего тела, шипя в ухо: «Слышишь глухой стук? Разве это нормально? Не знала, что аргентинские взлетные полосы недавно сделали мощными».

Матс взглянул поверх головы спящего направо, в иллюминатор. Увидел проносящиеся мимо огни терминала аэропорта и почувствовал, как с нарастающим шумом турбин нос самолета поднимается вверх.

Значит, они набрали необходимую для взлета скорость двести восемьдесят километров в час, которая все равно не дотягивала до скорости его крови, пульсирующей по сонной артерии.

Начинается.

Матс хотел сглотнуть, но во рту пересохло. Он поднял руку к шее, ослабил невидимый галстук. Когда стук прекратился и многотонный колосс поднялся в воздух, Матсу хотелось размахивать руками и наносить удары во все стороны.

Он посмотрел наверх, где подозрительно скрипели кремовые багажные полки. На бортовой кухне позвякивали стаканы. На экране перед собой он увидел карту мира и пиктограмму самолета размером с насекомое, который держал

курс на Атлантический океан; маршрут был обозначен в виде заштрихованного полуэллипса.

Время в пути: 13 часов 5 минут

Скорость ветра: 27 узлов

Высота над уровнем океана: 360 метров

Расстояние до цели: 13 987 километров

Господи. Уже так высоко?

И еще так долго?

Угол, под которым он сидел, напоминал тот момент, когда вагончик на «американских горках» тянет пассажиров на первую вершину. Перед падением в бездну.

Падение.

Матс помотал головой и потянулся за бумажным пакетом в кармане переднего сиденья. Не потому что его тошнило, а просто чтобы иметь что-то, куда он сможет подышать, если станет хуже. А это обязательно случится, если он не избавится от картинок горящих обломков самолета на поверхности моря.

Матс посмотрел в окно.

Это была ошибка.

Под ними лежал густой ковер из огней Буэнос-Айреса.

Подо мной!

Матс снова перевел взгляд на монитор, увидел свое затравленное, изможденное отражение, парящее над океаном

к западу от побережья Южной Америки, и решил испытать один фокус.

Когда у него бывали мигрени, ему часто помогала акупунктура. Компенсирующая боль.

Матс давно понял, что такая техника работает и при психических страданиях. Чтобы облегчить приступ аэрофобии, ему было необходимо какое-то душевное противодействие.

Поэтому он подумал о Катарине.

О ее волосах на полу. И о крови, которой ее вырвало в унитаз вместе с остатками пищи.

Тогда.

Он подумал о последнем признаке жизни, который остался в его воспоминаниях о Катарине. Хрипение, доносящееся из-за закрытой двери спальни. Которое было слышно даже за входной дверью, когда он ушел, чтобы больше никогда не возвращаться.

«Нужно убираться отсюда», – прошипела змея, которая уже тогда дала знать о себе и сказала то же самое, когда он бросил свою жену в беде.

«Прочь отсюда!» – повторила она сейчас, четыре года спустя, и Матс слышал шипение, сопровождаемое гидравлическим гудением под своим сиденьем. Звук вращающейся огромной дрели, к которому его подготовили на семинаре по аэрофобии.

Шасси и закрылки были убраны.

Получилось! – подумал Матс, но не почувствовал себя

лучше.

Угол наклона уменьшился. Змея немного ослабила хватку – так что Матс снова мог дышать, – но продолжала тяжелым грузом лежать у него на груди.

И тем не менее...

Взлет, второй по опасности этап полета (после посадки), во время которого происходят двенадцать процентов всех несчастных случаев, был почти завершен. Двигатели уже работали на крейсерском режиме. Стало тише.

Сейчас мы одни из десяти тысяч, – подумал Матс.

Швейцарские ученые выяснили, что во всем мире в воздухе постоянно находятся одновременно как минимум десять тысяч самолетов. С более чем миллионом пассажиров на борту.

Население крупного города, парящее в воздухе.

Он посмотрел направо и налево и позавидовал обоим спящим пассажирам. Парень, который занял его место у окна, еще глубже натянул шляпу на лицо. А Траутман, тихо похрапывая, спал с открытым ртом.

Матс не мог представить себе, как расслабиться на этих узких сиденьях. Ради шутки он попытался ненадолго закрыть глаза и повторять про себя мантру ведущего семинара по аэрофобии: *«Это неприятно, но не опасно».*

У него даже получилось продержаться какое-то время. Около пяти минут, которые показались часами и по окончании которых он не стал спокойнее. Уже одно то, что ему

больше не хотелось вскочить и с криком побежать к эвакуационным выходам, он считал успехом. Однако такое состояние долго не продлится, поэтому Матс снова попытался вызвать перед внутренним взглядом образ умирающей жены, но ему это не удалось. По крайней мере, не так, как он хотел.

Потому что неожиданно – все еще с закрытыми глазами – он почувствовал тяжелый восточный пряный женский аромат.

Эти духи...

Связанное с ними воспоминание было таким сильным, что вызвало сразу несколько физических реакций. Он вздрогнул, правый уголок рта задергался. А глаза неожиданно защипало, поэтому он их резко открыл. Испуганный и одновременно преисполненный надежды.

Это невозможно, – мелькнула единственная разумная мысль, а потом, при виде женщины, которая спешила по проходу вперед, попытался убедить себя, что его глаза воссоздают картинку, которую хочет видеть мозг: среднего роста женщина с коричневыми волосами до плеч, узкой спиной и широкими бедрами, которая время от времени хваталась за подголовники кресел, словно пыталась взобраться на высокий холм, при этом самолет летел уже довольно ровно.

Черный свитер она натянула низко на бедра.

Потому что считает, что у нее большая задница.

Матс посмотрел вслед женщине со знакомой походкой, которая делала мелкие шажки и ставила ноги носками слег-

ка внутрь – *«ты словно ведешь перед собой невидимый футбольный мяч»*, как он однажды сказал ей со смехом.

«Кто бы говорил! Ты топаешь, как пират с деревянной ногой», – вспомнил Матс ее возражение и не выдержал.

Со слезами на глазах он отстегнулся. Хотел подняться из кресла, хотя надпись «Пристегните ремни» все еще горела на табло. Хотел последовать за женщиной, которая не могла быть всем тем, о чем она ему напоминала своими духами, которые только на ее коже благоухали ароматом темных осенних роз. Своей одеждой, походкой, слегка волнистыми волосами. И не в последнюю очередь движением, каким она отдернула занавес, разделяющий эконом- и бизнес-класс.

Левой рукой.

Она левша!

Как Катарина.

Его умершая четыре года назад жена.

Глава 7

– Пожалуйста, оставайтесь пристегнутым еще какое-то время!

Валентино, тот самый стюард, материализовался из воздуха перед его креслом и, улыбаясь профессиональной безрадостной улыбкой, усадил Матса обратно на место.

– Это срочно... – безуспешно пытался настаивать Матс.

– Вы сможете пройти в туалет через несколько минут, как только пилот разрешит отстегнуть ремни. Это для вашей же безопасности.

Матс вывернул голову и плечи, чтобы посмотреть в проход за нагеленным наглецом, но женщина с такими знакомыми и редкими духами, которые давно не выпускались, уже исчезла в бизнес-классе.

– О'кей? – спросил Валентино, как будто Матс был детсадовским ребенком, от которого ждут, что он согласится со сделанным ему замечанием.

Матс не ответил – в том числе потому, что его отвлекла вибрация, которую в этом самолете мог почувствовать лишь он один. Потому что она исходила от предмета во внутреннем кармане его пиджака – сотового телефона.

Боже правый, неужели я забыл его выключить?

Матс не мог в это поверить. Именно он, пациент, страдающий аэрофобией, не соблюдал самые простые и важные пра-

вила безопасности. Он вел себя как человек, который боится собак и случайно надел форму почтальона.

– О’кей, – все-таки пробормотал он, чтобы Валентино, который стоял рядом как сторожевая собака, наконец-то ушел.

Наверняка какое-нибудь напоминание или будильник, – подумал Матс, доставая телефон. И тем сильнее удивился, когда увидел, что это входящий звонок.

Неизвестный номер.

На мгновение Матс был настолько ошарашен, что даже не попытался прикрыть дисплей рукой.

Как такое вообще возможно? – спросил он себя, а потом вспомнил рекламный ролик на домашней странице авиакомпании LegendAir. Разве там не шла речь о сотовой связи и беспроводном Интернете, которые были доступны на всех полетах с 2009 года?

Ну конечно.

WLAN был даже бесплатным, а звонки ограничивались тремя минутами, чтобы не беспокоить других пассажиров.

И действительно: на дисплее его телефона высвечивалось «LC-FlightNet», сразу за пятью брусочками, которые сигнализировали отличную связь.

Матс огляделся, но его непосредственные соседи продолжали крепко спать, а другие пассажиры не обращали на него внимания.

Он вспомнил о маленьких наушниках-вкладышах, которые взял с собой, чтобы позднее слушать музыку на айфоне.

Торопливо, чтобы не упустить звонок, который мог быть из больницы или даже от самой Неле, он достал наушники из кармана брюк и подключил их к смартфону, который сунул обратно во внутренний карман.

Нажав на переключатель на спутанных проводах, он ответил на звонок.

– Алло? – прошептал он, прикрывая рот рукой. – Неле?

– Господин Крюгер? Я говорю с Матсом Крюгером?

Матс сразу узнал этот голос. Возможно, он не очень хорошо запоминал лица, но у него была парадоксальная память на голоса, а этому голосу он внимал много часов подряд. Хотя – и это очень смущало в настоящий момент – он ни разу в жизни не встречался с мужчиной, которому голос принадлежал. Как и миллионы других людей, Матс знал только лица всемирно известных звезд, которых звонивший снабжал своим голосом. Джонни Деппа или Кристиана Бейла. Актёров, которых этот голос озвучивал.

– Кто это? – спросил Матс.

– Называйте меня, как хотите, – ответил меланхолический, слегка прокуренный баритон, который нельзя было спутать ни с каким другим.

Голос звучал прерывисто, немного безразлично и сопровождался звуками дыхания и какого-то шипения, видимо издаваемыми другим чело веком. Тем, который действительно звонил. Потому что вряд ли с Матсом разговаривал актер дубляжа, озвучивавший Джонни Деппа. Скорее, звонящий

использовал голосовой декодер и говорил в прибор, который изменял его собственный голос на голос знаменитости. Возможно, на этой игрушке можно было выбрать Тома Хэнкса, Мэтта Деймона или Брэда Питта.

– Речь идет о Неле, – сказал голос на фоне дыхания настоящего звонившего. – Слушайте меня внимательно, тогда ее страдания прекратятся.

Матс моргнул.

– Страдания? Что-то с ребенком?

У Матса задрожали колени; язык дохлой рыбой лежал во рту, ставшем вдруг слишком тесным. Начало казаться, что голос звонившего доносится из какой-то далекой дали – это из-за неожиданного звона в ушах. Шум умирающих синапс, который усиливался с каждым словом говорившего.

– Вы немедленно пройдете к ближайшему туалету и будете ждать дальнейших указаний. Если я не смогу дозвониться до вас через две минуты, Неле умрет.

Умрет?

– Кто вы? – хотел закричать Матс, но мужчина не дал ему вставить ни слова. Он метко посылал свои слова, как стрелы, и все они попадали в цель.

– Через три минуты вы получите новые указания. Если я не смогу дозвониться до вас, доктор Крюгер, Неле умрет. Если вы сообщите кому-то в самолете, Неле умрет. Тем более если проинформируете полицию или диспетчерскую службу на земле. У меня везде есть глаза и уши. Как только я заме-

чу малейший признак того, что вы подключили службы – например, командир самолета изменит курс полета или передаст радиogramму или полиция начнет задавать вопросы, – ваша дочь и младенец умрут мучительной смертью.

Последовал щелчок, как будто неизвестный положил трубку, и сразу после этого Матс услышал сигнал входящего сообщения.

Неле... страдания? Мучительная смерть?

Он действительно только что вел этот разговор? Это были слова незнакомца со всемирно известным голосом?

– Алло? Вы еще там?

Матсу стоило огромного труда и почти болезненного напряжения чуть-чуть вытащить телефон из кармана. Лишь настолько, чтобы убедиться, что связь действительно прервалась. Выскочившее на дисплее окошко указывало на новое входящее MMS.

Это шутка, – попытался убедить себя Матс.

Никто не знал, что он полетел в Берлин. Даже Нильс, его старший брат, который вместе со своей испанской женой переехал в Аргентину лет десять назад и у которого он жил первое время после трагедии с Катариной.

До последнего момента Матс не был уверен, хватит ли у него смелости и сил взойти на борт этого самолета. Тогда кто мог звонить ему, если не...

Неле!

Одна чудовищная мысль сменилась другой.

Его дочь решила отомстить ему таким способом? Этим диким звонком она хотела вогнать его в смертельный ужас, в качестве наказания за то, что он бросил семью в самый тяжелый момент?

Руки Матса так сильно тряслись, что он едва сумел разблокировать дисплей. Наконец справившись, он чуть было не закричал. Но змея страха сдавила ему горло, как только он увидел фотографию.

Неле.

С огромным животом.

С искаженным от боли лицом.

С грязным кляпом во рту.

Прикованная.

К больничной койке.

Пожалуйста, не надо. – Матс мысленно обратился к Богу, в которого перестал верить после первой безуспешной химиотерапии Катарины. Он искал признаки того, что фотография постановочная. Обработана в фотошопе или намеренно инсценирована, но он знал взгляд Неле. Слегка косящие зрачки, тончайшие красные сосуды, проступающие на белках; как выражение величайшего отчаяния, какое он редко видел у нее. А если видел, то в моменты сильнейшей душевной боли. Например, от несчастной любви или когда ее лучший детсадовский друг погиб в автомобильной катастрофе. Матс знал, что мучения на этой фотографии настоящие. И Неле действительно грозит смертельная опасность.

Поэтому он поверил шантажисту, который прислал еще эсэмэску без номера отправителя, с напоминанием:
«Еще две минуты. Или ваша дочь умрет».

Глава 8

Матс больше качался, чем шел.

По дороге к туалетам ему с трудом удавалось сохранять равновесие. При этом – с тех пор как погасло табло «Пристегните ремни» – самолет скользил по ночному небу, словно по рельсам. Матс прошел мимо семьи из пяти человек, где трое детей даже не думали оставить в покое спинки впереди стоящих сидений и вести себя прилично, к чему их то и дело громким голосом призывали измученные родители.

Чуть дальше муж с женой отгородились от посторонних звуков шумопоглощающими наушниками и, прильнув друг к другу, смотрели одну и ту же комедию на двух экранах. Пока Матс медленно, словно ступая по липкому сиропу, ряд за рядом пробирался вперед, он наблюдал маленьких детей, пенсионеров, мужчин, женщин, южноамериканцев, немцев, русских и представителей азиатских наций; слышал, как они храпят, смеются, разговаривают, листают газеты и шуршат упаковками, доставая принесенные с собой сладости и сэндвичи. Сто двенадцать пассажиров в одной только хвостовой нижней трети самолета. Своими шорохами и звуками все они вторили монотонному шуму двигателя, напоминающему работающий пылесос, который усиливался по мере того, как Матс приближался к крыльям. Но ничто не могло перекрыть эхо последних слов позвонившего, крутившихся бес-

конечной петлей в его голове, словно на аттракционе ужасов:

«...Если проинформируете полицию или диспетчерскую службу на земле... ваша дочь и младенец умрут мучительной смертью...»

Матс споткнулся о ногу пожилого мужчины, которую тот вытянул в проход.

...Умрут мучительной смертью...

– Простите, – извинился он, как перед пассажиром, на которого наступил, так и перед женщиной, за чей подголовник неловко ухватился.

Он чувствовал, как пассажиры качали головой у него за спиной. Перед глазами потемнело, но, к счастью, Матс уже добрался до туалетов на уровне тридцать третьего ряда и ему не пришлось стоять в очереди.

Он открыл складывающуюся дверь и протиснулся в крохотную кабину. При запирании двери верхний свет стал ярче.

У Матса слезились глаза, он ощутил диффузную головную боль, которую посчитал результатом шока, хотя такая односторонняя мигрень где-то за глазными яблоками никогда еще не сопровождала его панические атаки.

Просто шутка, – повторил он абсурдную мысль, потому что это было единственным – хотя и безвкусным, но безобидным – объяснением.

На какой-то безумный момент он даже задался вопросом, не может ли этот звонок быть частью семинара по аэрофо-

бии. Чтобы вызвать наисильнейшее из возможных душевное противодействие. Все-таки звонившему удалось ввести его в такое состояние стресса, что крушение самолета заботило Матса сейчас меньше всего. Он посмотрел в зеркало, вытер пот с лица резко постаревшего визави и вздрогнул, когда телефон завибрировал. Незнакомец соблюдал свой ультиматум. Матс ответил на звонок и произнес слова твердо, но как можно тише:

– Кто вы и что...

Шантажист перебил его:

– Закройте рот и слушайте меня. Насколько бы шокирующей ни была информация, которую я вам сейчас сообщу.

– Но...

– Какую часть предложения «Закройте рот» вы не поняли?

Матс тяжело сглотнул. Звук двигателей, немного приглушенный в туалете, вдруг напомнил ему шум водоворота, в который его затягивало.

– У вашей дочери разрыв плодного пузыря. Схватки уже начались, и кесарево сечение исключено. Если не будете слушать меня внимательно, я положу трубку и оставлю Неле истекать кровью, вы меня поняли?

– Да, – ответил Матс после короткой паузы.

– То, что вам сейчас скажу, не буду повторять второй раз. Поэтому очень важно, чтобы вы поняли.

В трубке снова щелкнуло, затем странно знакомый и од-

новременно чужой дубляжный голос поведал ему:

– Вашу дочь похитили. Пока у нее все хорошо, правда, она не получает медицинской помощи. Шансы на то, что Неле родит в плену живого ребенка, очень низкие. Но даже если у нее получится, я не могу гарантировать, что сумасшедший, в чьих руках она находится, оставит Неле в живых. Только если...

Матс закрыл глаза и оперся одной рукой об умывальник.

– Только если вы сделаете то, что я вам скажу.

О'кей, все, что хочешь. Я сделаю все, что ты потребуешь.

Матс знал, что он не герой. Неле даже считала его трусом и в определенном смысле была права. Он не смог поддержать Катарину в ее тяжелые часы. Не смог смотреть, как она умирает, потому что не выносил того факта, что навечно теряет любовь своей жизни на конвейере смерти и ничего не может предпринять. И в этом было отличие. Если существовало то, что спасет Неле жизнь, он сделает это. Немедленно. Без долгих разговоров.

Матс твердо в это верил – по крайней мере, в данную секунду.

– На борту находится человек, которого вы хорошо знаете, – объяснил голос.

Катарина, – подумал Матс вопреки здравому смыслу и – как и следовало ожидать – был разочарован. Его жена умерла от рака легких четыре года назад. Одна. Без него, потому что он бросил ее. Дубляжный голос Джонни Деппа, который

Матс называл про себя «Джонни», наверняка обладал только разрушительной, а не животворной силой.

– Это бывший пациент, – сказал голос. – Вы успешно излечили его от психического заболевания.

«В психотерапии не существует излечения. Только временное улучшение», – хотелось закричать Матсу, но страх потерять единственную связь с дочерью сжал ему горло.

– Ваша задача, доктор Крюгер, если вы хотите спасти жизнь Неле: активируйте психическую бомбу на борту самолета.

– Простите? – все-таки вырвалось у Матса.

– Найдите своего бывшего пациента на борту. И отмените вашу терапию.

– Я, я не понимаю...

Джонни снова перебил его:

– Ваш пациент, о котором я говорю, долгое время страдал посттравматической озлобленностью. С приступами агрессии, которые сопровождались выраженными фантазиями о насилии. При этом он хотел убить не только себя, но и унести с собой жизни как можно большего количества людей. Из мести за то, что с ним когда-то сделали.

Матс вздрогнул, когда дверь туалета подергали с другой стороны. Или пассажир не заметил на замке красной полоски «Занято», или хотел просигнализировать, чтобы внутри поторопились.

– Я все еще не понимаю, что...

– Благодаря своей терапии, вы избавили пациента от его разрушительных идей и обеспечили ему нормальную жизнь.

И что?

– Я хочу, чтобы вы отменили свою терапию. Реактивировали склонность к насилию у вашего пациента. Снова вызвали в нем мысли об убийстве. И побудили к тому, чтобы он спровоцировал крушение самолета.

Бах.

Последнее предложение упало на Матса, как гильотина. Отделило голову от туловища и лишило мозг контроля над телом.

Матс опустился на закрытую крышку туалетного сиденья и устался на откидную пепельницу в двери, рядом со значком «Курение запрещено», очевидная несуразица, которой – в отличие от его положения – существовало простое объяснение. Действительно, в туалетах самолетов были предписаны пепельницы. Чтобы пассажир, который нарушит запрет курения, по крайней мере не устроил пожар, сунув окурок в урну с бумажными отходами за отсутствием пепельницы. Матс мечтал, чтобы шизофреническому состоянию, в которое его ввел звонивший, тоже нашлось подобное логическое объяснение.

– Вы с ума сошли? – прошептал он. – Вы хотите, чтобы я убил шестьсот пассажиров?

Включая меня самого.

– Шестьсот двадцать шесть, если считать восемнадцать

человек экипажа. Абсолютно верно, – сказал голос, глухо и безэмоционально, причиной чему, видимо, был голосовой декодер.

– Но я не понимаю. Зачем?..

– Мои мотивы вас не касаются. Достаточно, если вы будете знать следующее, доктор Крюгер: как только рейс LEA-23 исчезнет с мониторов, Неле отпустят и обеспечат ей медицинскую помощь. Но если «эйрбас», целый и невредимый, приземлится в Берлине, ваша дочь и младенец умрут.

Дверь снова подергали, и на этот раз мужской голос снаружи выругался, но пассажир со слабым мочевым пузырем интересовал Матса сейчас меньше всего.

– Послушайте, пожалуйста. Чего бы вы ни хотели, давайте это обсудим. Наверняка есть другой способ получить желаемое, нежели как в результате...

Массового убийства.

– Вы теряете время, доктор Крюгер. Не ищите другого выхода. Ищите своего пациента. Вам потребуется каждая минута этого полета, чтобы реактивировать в нем психическую бомбу.

– Моего пациента?..

– На самом деле это пациентка. Думаю, вы уже догадались, о ком идет речь.

Матс невольно кивнул.

Существовала только одна женщина с историей болезни, которую только что описал Джонни. Лишь одна женщина

среди множества его пациентов, которая теоретически была в состоянии спровоцировать крушение самолета.

– Да, – прохрипел Матс, и голос действительно назвал имя, которого он боялся:

– Кайя Клауссен.

Глава 9

Матс.

Десять лет назад

– Ты знаешь, что есть причина, почему у них здесь такая дешевая еда?

Неле пожала плечами. Очевидно, что научно-популярный доклад интересовал его двенадцатилетнюю дочь меньше, чем клубничный йогурт на витрине, который она уже довольно долго гипнотизировала взглядом.

– Серьезно, – сказал Матс, взял десерт и продвинул свой поднос дальше, вслед за очередью, которая медленно, но верно продвигалась в сторону раздачи основных блюд.

– Коттбулар³ с картофелем, яблочный сок и горячий напиток за четыре девяносто пять. Они сами доплачивают.

– Можно мне колу? – спросила Неле и быстро обернулась. Катарина ненадолго отошла в туалет.

– Колу? – повторил он, подняв брови. – А ты маму спрашивала?

– Да.

– И что она сказала?

Неле закатила глаза.

³ Мясные фрикадельки.

– Папа, ну серьезно. У тебя нет своего мнения?

Матс засмеялся и погладил ее по лохматой голове.

– Напитки наливают за кассой. Даже при всем моем желании, боюсь, ты не сможешь утаить от мамы коричневую жижу.

Металлические направляющие для подносов делали изгиб, и Матс с Неле тоже повернули налево. На неделе в обеденное время здесь было немного людей, поэтому они быстро продвигались вперед. Вообще-то Неле следовало еще быть в школе, но занятия отменились из-за прорыва водопроводной трубы.

– Приятного аппетита!

Полная повариха в белом колпаке и с покрасневшимся от жара лицом весело подмигнула им, наливая впереди стоящему мужчине порцию брусничного соуса. Матс продолжил свою тему:

– Что я хотел сказать: таким образом, ИКЕА заявляет, что у них все очень недорого. Часто так оно и есть, но не всегда. Чтобы ты думала, будто вся мебель здесь супердешевая, они приглашают тебя поесть.

– Папа, – сказала Неле, заметно раздражаясь от постоянного желания отца объяснить ей всё и вся с психологической точки зрения. Поэтому Матс поспешил перейти к сути.

– По этой причине мы, когда начинаем свой обход, первым делом наталкиваемся здесь на ресторан. Тут вкусно пахнет, ты читаешь: «*Vaу, всего 1,99 за иницель*» – и перено-

сишь это на все остальное в магазине. Это называется обусловливание, понимаешь?

– Папа!

– Хорошо, я прекращаю.

Неле покачала головой, давая понять, что имела в виду совсем другое.

– Твой сотовый.

– Что?

Он пощупал карман брюк.

Действительно. Он даже не слышал звонка.

– Ты уже решила, что возьмешь – картофель фри или пюре? – спросил он Неле, прежде чем ответить на звонок.

– Алло?

– Это я, Фели.

В этот момент повариха спросила, что он будет заказывать. Матс, который не хотел быть невежливым по отношению к своей коллеге, сказал:

– Слушай, я сейчас в ИКЕЕ, мы можем...

– Нет, не можем. Извини. У нас чрезвычайная ситуация.

Он прищурился и поднял указательный палец, чтобы дать понять улыбающейся поварихе, что скоро сделает заказ.

– О ком речь? – спросил он и посмотрел на часы: 12:34. Если он не ошибался, Фелиситас работала на горячей линии службы экстренной психологической помощи только по выходным, и то с десяти вечера. По ночам, когда темные мысли выползали из своих укромных мест.

– Ее зовут Кайя Клауссен, восемнадцать лет, – объяснила ему психиатр. – Она как раз звонит мне из туалета своей школы.

– Она хочет убить себя? – спросил Матс как можно тише, но повариха все равно услышала. Теперь она больше не улыбалась.

– Да, – взволнованно ответила Фели. – Себя и всех остальных на территории школы.

Глава 10

Матс.

Сегодня.

Еще 12 часов и 30 минут до запланированной посадки в Берлине

– У вас все хорошо?

Валентино заглянул в туалетную кабину, как только Матс открыл дверь.

– Да, – солгал он и попытался протиснуться мимо стюарда, который только что стучал ладонью по двери. – А в чем дело?

– Пассажиры, которые наблюдали за вами, беспокоились о состоянии вашего здоровья.

Валентино кивком указал в ту сторону, где Матс споткнулся о ногу мужчины. Но того загоразивали две стюардессы с сервировочной тележкой.

Матс взглянул на часы.

Полпервого ночи, а они развозят еду?

Потом он вспомнил про опоздание самолета. При бронировании действительно упоминались полуночные закуски, которые сейчас, видимо, и раздавали пассажирам.

– У меня все отлично, большое спасибо.

Валентино это не убедило, и он стал энергично приняюхи-

ваться, как кролик, на что Матс раздраженно вздохнул.

– А что, детекторы дыма не работают? – опередил он обвинение в том, что курил в туалете.

Матс вспомнил: он не нажал на кнопку слива, что наверняка не укрылось от Валентино. Это объясняло его недоверие, к тому же и раковина – сразу видно – не была использована.

– Вы же знаете, я страдаю аэрофобией. – Матс решил сказать недоверчивому стюарду хотя бы немного правды. – У меня была паническая атака.

– Хм. – Взгляд Валентино стал более понимающим. Только легкая улыбка на его губах раздражала Матса. – Значит, место, которое вы в конце концов выбрали, все-таки не настолько хорошее?

Матс развел руками и заставил себя улыбнуться. Он уже два раза подряд произвел невыгодное впечатление на этого пижона. И что бы он сейчас ни придумал, чтобы положить конец сумасшествию, – находиться под наблюдением подозрительного стюарда ему абсолютно не с руки.

– Мне нужно было немного побыть наедине, – объяснил он как можно более дружелюбно. – Одному, в закрытом пространстве. Это мне помогает.

– Вот как.

Два слова. Но в этом кратком ответе было столько сарказма и иронии. Внутри Матса закипела злость и уничтожила все его добрые намерения.

Он знал, что совершает ошибку и дальнейшая тирада принесет ему лишь краткий момент удовлетворения, но сдержаться не смог.

— Я не понимаю, чего вы от меня хотите, — сказал он так, что только Валентино мог его слышать. — Я забронировал несколько мест и был в туалете. Ни то ни другое не является преступлением, насколько я могу судить. Я не виноват, что вам хотелось бы работать на земле, скорее всего, в авиадиспетчерской службе, потому что вы так любите контроль, верно? Вы носите немнущиеся рубашки, которые покупаете сами, потому что авиакомпания таких не предоставляет. Вы только что начистили туфли, иначе ворсинки от ковра не блестели бы так на отполированной лаковой коже; каждые двадцать секунд вы непроизвольно трогаете волосы, хотя под бетоном, который вы нанесли на голову, ничего не шелохнется даже при урагане. Но вы слишком несдержанны, слишком нетерпеливы, хотите получать ответы сейчас и ни секундой позже и с удовольствием выбили бы дверь в туалет, не так ли? Не лучшее качество: ведь в диспетчерском пункте нужно сохранять спокойствие и оставаться внимательным, когда двадцать точек одновременно движутся на мониторе. Верно?

На секунду Матс понял, что задел собеседника. Возможно, не каждым словом, но его теория немного помяла маску стюарда. Валентино выдавала дрожащая нижняя губа, которую он, однако, — сообразно своей натуре, — тут же взял под кон-

троль.

Улыбаясь, он наклонился к Матсу.

– Вы ни хрена обо мне не знаете, – сказал он все с той же натянутой улыбкой.

О, еще как знаю, – подумал Матс и в очередной раз проклял свою несдержанность. – Например, я знаю, что сейчас ты мой злейший враг в этом самолете.

В принципе Матс презирал себя за этот дешевый психологический трюк, хотя и мог оправдаться особыми обстоятельствами. Его беременная дочь боролась за свою жизнь, а его шантажировал какой-то сумасшедший и требовал совершить массовое убийство. Было логично, что он искал слабого человека, чтобы выплеснуть свою бессильную ярость.

– Послушайте, мне очень жаль, я...

Матс оборвал свое жалкое извинение, когда заметил, что Валентино почти с отвращением отступил на шаг.

– В чем дело? – спросил Матс, но затем почувствовал и сам. Через секунду даже ощутил на вкус.

Кровь.

Которая капала у него из носа.

Проклятье, только этого не хватало!

Когда он возбуждался, у него иногда случались кровотечения. Безобидные, но неприятные.

Матс схватился за лицо и уже хотел снова исчезнуть в туалете, как в голову ему пришла коварная мысль.

– Как вы посмели? – прошипел он Валентино, который,

разумеется, удивленно наморщил лоб.

– Простите?

– Зачем вы это сделали?

– Что?

Раздражение в его взгляде усилилось.

– Ударили меня!

Матс показал ему свои окровавленные пальцы, кровь из носа закапала на ковер.

– Я, я... ничего подобного...

– Да? А тогда почему у меня идет кровь?

Матс повысил голос. Из-за шторы он не мог рассчитывать на внимание слева, но с правой стороны, чуть дальше по проходу, к ним обернулась женщина.

– Немедленно приведите ко мне Кайю Клауссен, – прошипел Матс и тем самым отправил Валентино в психический нокаут.

– Кайю? Откуда вы ее знаете?

– Я хочу немедленно поговорить с вашим начальником!

Глава 11

Неле

Шаааааа!

Схватка продемонстрировала ей новый масштаб боли, который невозможно было сравнить ни с чем, испытанным ею когда-либо в жизни. И Неле опасалась, что это лишь начало. Возможно, двойка на шкале от одного до десяти, но уже эта стадия казалась пыткой раскаленным паяльником.

Дышать «собачкой»? Или глубоко?

Черт, в тупых фильмах все вроде дышат «собачкой»?

Она не ходила на подготовительные курсы, да и зачем? При кесаревом сечении техника дыхания вряд ли важна, тем более в ее случае операция планировалась под общим наркозом, чтобы обезопасить ребенка от родовых кровотечений.

О господи... Похищение, ужас, боль... все это полностью вытеснило из ее сознания опасность естественных родов для ее крохи.

*Правда, в данном случае все было абсолютно противосто-
естественно.*

Привязанная к койке в коровнике. С тарасившимся на нее сумасшедшим с жалобным взглядом и дурацкой стрижкой.

– Шааааа... – снова вырвалось у нее.

Она и сама не знала, что хотела выкрикнуть в пустой сарай, в котором не было ни кардиотокографов, ни пульсометров, ни даже полотенец. Только психопат за камерой, который не переставал плакать, снимая ее мучения.

Ей хотелось пнуть объектив, но с привязанными ногами это было невозможно.

Все-таки сумасшедший не посчитал нужным стянуть с нее спортивные штаны. Как студент медицинского факультета – если это действительно так, – он знал, что еще ничего не видно.

Ей стало страшно от мысли, что здесь ее никто не найдет и не спасет и что ее похититель когда-то сделает это. Разденет ее.

– Аааааааа... – Ее крик угас. Она почувствовала облегчение, когда последняя схватка ослабла и наступила продолжительная фаза без боли – до того момента, когда ее снова бросит в пот от очередного спазма.

– Зачем?! – крикнула она парню, сделав вдох. – Чего ты от меня хочешь?

И почему реешь, как маленький ребенок? Постоянно утираешь слезы и сопли?

– Мне очень жаль, – на удивление ласково ответил ее похититель.

– Тогда отвяжи меня.

– Не могу.

– Пожалуйста, это совсем просто. Перережь кабельные

стяжки...

– Тогда они никогда ничему не научатся.

– Кто ничему не научится?

– Они. Все. Народ.

Он вышел из-за камеры вперед.

– Вообще я всего этого не хочу. Я не имею ничего против вас. Или против вашего ребенка.

– Ее зовут Виктория, – сказала Неле и сама удивилась.

Победившая. Выжившая. Имя не стояло в ее шортлисте, но подходило, по крайней мере, девочке. Для мальчика она изменит его на Виктор. Хорошо, что она назвала будущее по имени. Пусть похититель воспринимает существо в ней не как объект, а как человека с именем и чувствами.

– Она умрет, если я буду рожать не в клинике.

– Вы лжете.

– Нет. У меня СПИД. Я могу заразить Викторию. Без кесарева сечения она погибнет.

Похититель снял свои никелированные очки.

– Этого... этого я не знал.

Он протер очки джемпером и снова надел их.

– Все равно. Я уже не могу ничего изменить.

Неле хотелось кричать, но она заставляла себя вести эту абсурдную беседу как можно более спокойно, чтобы установившаяся тонкая связь с ее похитителем не оборвалась.

– Назовешь мне свое имя?

– Франц.

– Хорошо, Франц. Я тебя не выдам. Клянусь. Я сама не очень лажу с госучреждениями. Отпусти меня, пожалуйста...

– Нет. – Франц провел рукой по волосам. – Не могу. Сейчас речь идет не о нас. Не о вас, не обо мне и не о вашем ребенке. Речь о том, чтобы открыть глаза сначала вам, а потом и всему миру.

– Мне? Что я сделала?

– Я исследовал ваш мусор.

– И что?

Он ненадолго вышел из хлева и вернулся с желтым пакетом.

– Вот, – сказал он и сунул руку в мешок. Достал пустую упаковку из-под молока, словно это была важнейшая улика в судебном процессе.

«Не волнуйтесь. Я лишь хочу вашего молока».

– И что с этим не так?

– Вы его пили.

Тут Неле уже не сдержалась и повысила голос.

– Биомолоко длительного хранения, три с половиной процента жирности? Да! Господи, это что, преступление?

Он презрительно опустил уголки губ.

– То, что вы осмеливаетесь спрашивать такое, показывает, насколько все это необходимо.

– Что – все? – спросила она его. – Что ты собираешься с нами сделать, Франц?

– Это вы скоро почувствуете, – сказал ее похититель, схватил мусорный пакет и оставил ее одну в коровнике.

Глава 12

Матс

Матс не смог противостоять соблазну и покружился на месте.

Такого он еще никогда не видел. Даже на YouTube или в рекламных брошюрах туристических агентств. Он знал, что у LegendAir были самые роскошные в мире кабины первого класса, и помнил их рекламный слоган: *«Скайсьют. Ваша частная резиденция в облаках».*

Но, принимая во внимание открывшийся ему здесь мир, это заявление было скромным преуменьшением.

Так называемый скай-сьют был почти таким же большим, как его квартира на Калле Гуидо. Он простирался на верхнем этаже вдоль двенадцати иллюминаторов, и, в отличие от скромной квартиры Матса, дизайнер интерьеров разгулялся здесь с самыми ценными породами древесины, дорогими коврами и изысканными кожаными обивками. Все было выдержано в мягких коричнево-кремовых тонах. Темный рисунок стен, облицованных красным деревом, приятно контрастировал со светлым обеденным столом, за которым в кожаных креслах кофейного цвета могли разместиться по меньшей мере четыре человека.

– Впечатляет, не правда ли? – спросила Кайя Клауссен,

которая привела его сюда.

Когда Матс расшумелся и некоторые пассажиры уже начали нервничать, Валентино смирился и действительно сообщил своему начальству. А Кайя, несмотря на обстоятельства, искренне обрадовалась, когда увидела своего бывшего психотерапевта спустя столько времени.

Это было ее предложение – обсудить происшествие с Валентино с глазу на глаз. Но Матс не мог себе представить, что под «укромным местом» она имела в виду *вот это*.

Трехкомнатный сют, в толстом ковре которого он буквально утонул, находился прямо над кабиной пилотов. Чтобы попасть сюда, им пришлось подняться по винтовой лестнице в носовой части самолета и пройти через нечто, напоминающее дорогой лондонский коктейль-бар. Здесь наверху, на высоте десять тысяч метров, у гостей в первом классе действительно был собственный бармен, который за полукруглой, до блеска отполированной стойкой мог предложить им алкогольные коктейли, кофейные напитки и огромный выбор джина, какой только был возможен над облаками. Скай-сют был отделен от этой лаунж-зоны толстой звукоизолирующей дверью.

Расположенное в носовой части, это было самое опасное место во всем самолете в случае столкновения или удара, но данное обстоятельство мало волновало Матса, учитывая бедственное положение, в котором он сейчас находился.

– Вон там двуспальная кровать? – спросил он, хотя в этом

не было сомнений. В дальней зоне, также отделенной раздвижной дверью, которая в настоящий момент была открыта, он увидел кровать с пружинным матрасом.

– Французский пух и египетский лен, – улыбнулась Кайя и протянула ему свежий носовой платок.

На мгновение он и правда забыл, что все еще держал салфетку у носа, хотя тот, к счастью, больше не кровил.

– Прошу прощения, – пробормотал он и огляделся в поисках мусорного ведра. И обнаружил еще одну дверь между жилой и спальней зоной.

Как он и предполагал, дверь вела в ванную комнату, где поместилось бы четыре туалета, в каком он только что был. Здесь даже была стеклянная душевая кабина! Матс выбросил свою окровавленную салфетку в мусорное ведро, подошел к двойной раковине и вымыл лицо и руки.

– Почему вы не связались со мной до полета? – спросила за спиной Кайя, стоявшая на расстоянии, предписываемом приличиями.

– Я не хотел вас беспокоить. – На самом деле при бронировании он даже не подумал о ней. Хотя Матс знал, что его бывшая пациентка стала старшей стюардессой в крупной авиакомпании, думал, что это какая-то немецкая авиалиния. Лишь когда шантажист назвал ее имя, у него в голове все сложилось.

– Ваше четырехкратное бронирование вызвало всеобщее возбуждение, – сказала Кайя.

– Могу себе представить.

Матс взглянул еще раз в зеркало, чтобы убедиться в своем первом впечатлении о ней – сейчас, когда она не смотрела на него и думала, что за ней не наблюдают. Было поразительно, какой красавицей стала Кайя Клауссен. Длинные волосы с мелированными прядками очень шли ей, как и десять килограммов, которые она, похоже, набрала. Конечно, ей приходилось гримировать косметикой дырки от пирсинга на подбородке и справа над верхней губой, но она и этому научилась. Как и прямой и уверенной осанке с расправленными плечами, что не могло быть результатом одной лишь униформы, подчеркивающей фигуру.

Старшая стюардесса приглашающе махнула рукой, и они сели за стол в гостиной. Электронные жалюзи – здесь они выглядели как настоящие шелковые шторы – были опущены. Серебристая лампа на широком подоконнике между иллюминатором и столом излучала теплый мягкий свет.

– Я хотела бы извиниться за случившееся, доктор Крюгер. Кен часто бывает несдержанным, но я никогда бы не подумала, что он пустит в ход кулаки. Тем более с вами. Мне очень жаль.

– Кен? – спросил Матс, взглянув на ее бейдж. – Значит, Валентино его фамилия?

Она засмеялась.

– Нет, нет. Мы просто зовем его так. Из-за внешности. И потому что его подруга немного походит на Барби.

Барби.

Звучание имени напомнило ему слово «беби», и он подумал о боли, которую сейчас переносит Неле, если он не стал жертвой чьей-то дикой шутки.

– Все в порядке? – спросила Кайя, очевидно заметив его напряжение.

– Мне немного не по себе. Я боюсь летать.

– Вы? – Губы Кайи дрогнули, но она тут же пресекла улыбку.

– И офтальмологи носят очки, – сказал в оправдание Матс.

Старшая стюардесса какое-то время молчала, лишь смотрела на него большими голубыми глазами и потом кивнула.

– О'кей, ясно. Это даже логично.

– В смысле?

– Ну, тогда вы единственный смогли поставить себя на мое место, угадать, что творилось у меня в душе. Наверное, нужно самому столкнуться с психическими проблемами, чтобы их хорошо понимать.

Теперь Матс кивнул, хотя и не разделял эту теорию. Не обязательно всадить себе топор в ногу, чтобы представить эту боль.

– Что я хотел сказать: внизу в туалете у меня случилась небольшая паническая атака. Возможно, я слишком бурноотреагировал. Я даже не совсем уверен, действительно ли Кен, то есть Валентино, меня ударил.

Кайя раздраженно моргнула.

– Как тогда это могло произойти?

Матс уже собирался сказать что-то о сухом воздухе на борту и своей предрасположенности к носовым кровотечениям, но вдруг схватился за голову. Не для шоу, а потому что снова ощутил тупую боль, на этот раз в виске.

Кайя встала и указала на спальню.

– Сначала все-таки отдохните там.

– Нет, нет. – Матс помотал головой и тем самым лишь усилил боль. Коснулся носа, но тот, к счастью, был сухим. – Тогда это будет выглядеть так, будто я пытался выпросить апгрейд.

Его бывшая пациентка улыбнулась.

– Вы выкупили четыре места и заплатили за них бешеные деньги. И даже уступили ваше кресло в бизнес-классе. Никто на борту не думает, что вы хотите себе что-то выпросить.

Кайя посмотрела на часы на запястье.

– Мне сейчас нужно вернуться в первый класс. А вы ни о чем не беспокойтесь. Вообще, скай-сьют всегда пустует. Авиакомпания держит его только для имиджа. Никто не будет платить тридцать две тысячи за человека. За такие деньги можно арендовать частный самолет.

– И у вас не возникнет проблем, фрау Клауссен?

– Моя должность позволяет мне пересаживать пассажиров по своему усмотрению. – Она оправила юбку. – Я вам тогда не просто так написала, доктор Крюгер.

Матс кивнул и вспомнил открытку с облаками, которая долгое время висела у него на холодильнике, пока не отвалилась и не была выброшена уборщицей.

«Дорогой доктор Крюгер, я стала старшей стюардессой. Не совсем то, о чем я мечтала, но почти. И все это благодаря вам! Свяжитесь со мной, если я когда-нибудь смогу для вас что-то сделать».

Вообще-то Кайя хотела стать пилотом, но из-за различных инцидентов в подростковом возрасте и неоконченного среднего образования это было уже невозможно.

– Я рада, что вы у нас на борту, – улыбнулась Кайя почти с материнской заботой. – Может, хотя бы так я смогу выразить вам свою признательность. За все, что вы для меня сделали.

Матс отмахнулся.

– Я вас умоляю. Это была моя работа.

– Нет, нет. Без вас меня бы уже не было в живых. Я это знаю. У меня не было бы ни этой работы, ни моего чудесного жениха. Мы пытаемся завести ребенка, представляете?

Она показала ему кольцо с бриллиантом.

Нет.

Он не мог себе этого представить, особенно когда думал о ее состоянии. Тогда, десять лет назад. Превращение из полуживого скелетоподобного зомби с черными крашеными волосами, лежавшего у него в кабинете на диване, в эту фигуристую красавицу-амазонку было ошеломляющим. Как фото «до» и «после», какие показывали только в лживых ре-

кламных роликах телемагазинов.

– Я очень рад, что у вас все хорошо, – сказал Матс, и это была правда. Кайя Клауссен считалась самым большим успехом в его карьере. Случай, когда можно было даже говорить о полном излечении.

И теперь он должен был все это уничтожить!

Нет. Я не могу.

Матс сделал глубокий вдох и выдох, провожая ее взглядом.

Нет.

Конечно, он не принесет ее в жертву. О том, чтобы выполнить требования какого-то извращенца-шантажиста, не могло быть и речи. Ни при каких обстоятельствах Матс не будет разрушать психику своей бывшей пациентки, чтобы она стала инструментом для массового убийства.

Но затем он подумал о Неле.

– Фрау Клауссен? – позвал он, когда та уже открыла дверь, чтобы покинуть сьют.

Она обернулась. С улыбкой.

– Да?

Матс сглотнул. Его пальцы дрожали.

Что я делаю? – спрашивал он себя.

Они не случайно оказались на борту одного самолета. Кто-то давно все спланировал – и это была отправная точка для возможного плана, чтобы предотвратить катастрофу без человеческих жертв. И здесь, на борту, и – что еще важнее –

в Берлине.

Но чтобы спасти Неле и ребенка, ему нужно было время и помещение, в котором он мог бы спокойно разговаривать по телефону. Последнее он уже нашел здесь, в скай-сьют.

Выход существует, – мысленно убеждал он себя.

И у меня еще более одиннадцати часов, чтобы его найти.

Прежнее заболевание Кайи он, однако, держал про запас, как вариант Б.

На крайний случай.

Если его план А провалится и придется принимать в расчет немыслимое.

Самое позднее на полете к Берлину.

Матса затошнило от отвращения и ненависти к себе, потому что он знал, *что* спровоцирует у Кайи своим следующим предложением. Его слова, как длинные ногти, подденут плотный струп ее душевной раны и оголят первый крохотный кусочек рубцовой ткани. Он сказал:

– К счастью, я тогда смог перебороть свои сомнения в вашей версии случившегося, Кайя!

Глава 13

Фели

Для того, кто любит поспать, сегодня она очень рано пошла в душ. Но, учитывая то, *что* ей предстояло, это было неудивительно.

О господи, – испугалась Фели и прикрыла рот рукой. – *Я правда только что подумала «что мне предстоит»?*

Если бы это знала ее лучшая подруга Ясмина, то сразу вспомнила бы Зигмунда Фрейда. А в отличие от нее, Ясмина не была психиатром. Хотя родительские собрания, на которых ей, как классному руководителю в начальной школе, приходилось возиться с предками своих учеников, часто требовали больше интуиции и такта, чем ночные смены Фели на горячей линии экстренной психологической помощи.

– Я рада. Я очень рада! – произнесла Фели и растянула губы в широкой улыбке, намыливая шампунем волосы и затем смывая пену.

Максимум через полторы минуты удастся обмануть мозг, и она действительно почувствует себя счастливой, даже если улыбка была неестественной. Мимическая обратная связь – так назывался метод, который работал, даже если пациенты просто растягивали себе рот карандашом.

Но мне это, разумеется, не нужно.

Я по-настоящему счастлива.

Фели выключила кран и вышла из душа.

– Сегодня мой счастливый день!

Она обернула волосы полотенцем и вытерлась, прежде чем накинуть банный халат. Если Янек, с которого после душа вода ручьями стекала на пол ванной, всегда тут же надевал свой серый махровый халат, то Фели ненавидела, когда ткань намокала на ее теле.

Ей нравилось, когда тепло, сухо и приятно на ощупь.

Но это различия, которые объединяют.

Все еще улыбаясь, но не ощущая особого выброса эндорфина, она подошла к раковине и вытерла косметической салфеткой остатки зубной пасты, которая снова каким-то чудесным образом попала со щетки Янека на край водопроводного крана.

– Булочку? – услышала она его голос из спальни.

– Лучше тост! – крикнула она в ответ и добавила: – Я сейчас приду к тебе, дорогой.

В этот момент ее телефон зажужжал. Она взяла его с края раковины – от вибрационного звонка сотовый уже начал вращаться – и попыталась понять, кто звонит.

Номер казался ей знакомым, но не был сохранен в контактах.

С нехорошим чувством она ответила. И ей стало еще больше не по себе, когда она услышала голос на другом конце. Приглушенный, далекий, замирающий. Словно мужчина

стоял где-то на ветру.

– Фели?

– Матс? – повторила она бессмысленную приветственную формулу. Ее коллега и некогда один из самых близких людей не стал терять времени и сразу перешел к делу:

– Мне... мне нужна твоя помощь.

– Что случилось? – спросила Фели, автоматически переключившись в режим несчастных случаев. При этом больше всего ей хотелось положить трубку.

Или по крайней мере закричать: *«Тебе нужна моя помощь? Что на тебя нашло? После четырех лет молчания ты звонишь мне. Просто так? И именно СЕГОДНЯ?»*

Но она сдержала ярость и справедливые упреки. Пока.

– Неле, она... Мне кажется, она в опасности.

– Насколько?

– Я только что разговаривал с клиникой «Шарите». Где она должна была сегодня рожать.

Фели нервно почесала шею, которая начинала зудеть. Она ненавидела, когда от стресса появлялись красные пятна, а сегодня это вообще было недопустимо.

– Неле беременна?

– Да.

– Поздравляю.

– Сегодня утром ей было назначено кесарево сечение. Но она не появилась в Вирхове. Бывший однокурсник мне это подтвердил.

– Не понимаю.

Зуд усилился, но на этот раз Фели удалось сдержаться и не дотрагиваться до шеи.

– Я пытался дозвониться до нее, но она не подходит к телефону.

– О'кей, все это звучит странно. Но, возможно, она выбрала другую клинику.

– Фели, нельзя просто так сменить операционный зал, ты это знаешь. Кроме того...

– Кроме того – *что*?

Матс сделал паузу, во время которой Фели услышала на заднем плане нечто, напоминающее объявление по громкой связи.

– Ты в поезде? – предположила она из-за шуршания в трубке, которое усиливалось каждый раз, когда они замолкали.

– В самолете.

– Ты?

Он как-то сказал ей, что лучше проведет десять часов у зубного врача, чем один-единственный час в воздухе.

– Что ты делаешь в самолете?

Он вздохнул.

– Неле не хотела быть одна после рождения ребенка. Поэтому я на пути из Буэнос-Айреса в Берлин. Но...

– Что?

– Но вскоре после взлета мне позвонили. Они похитили

Неле и угрожают убить ее.

– О господи... – Фели снова закрыла рот рукой, как до этого в душе. Отвернувшись от зеркала и прошептала: – Это... неужели это правда?

– Я пытаюсь выяснить. К сожалению, пока у меня нет оснований сомневаться в угрозе.

– Хорошо, я позвоню в полицию.

– Нет. Ни в коем случае.

Фели нервно засмеялась.

– Но тогда как я могу тебе помочь?

– Пожалуйста, поезжай в квартиру Неле.

– Чтобы сделать *что*?

– Я не знаю. Осмотрись там. Проверь ее вещи.

– Подожди. Как я попаду внутрь?

– Верно, извини. От волнения я не очень хорошо сообщаю. Но, может, ты найдешь какую-нибудь подсказку, кто может за этим стоять. Поговори с соседями или управляющим домом. Знаю, это отчаянная попытка, но ты моя последняя надежда.

– Чего похитители хотят от тебя?

Пауза. Шуршание усилилось и напомнило ей шум старого кухонного миксера. Но тут же прервалось, когда Матс ответил:

– Этого... этого я не могу тебе сказать.

– Чертов говнюк.

– Я знаю.

Нижняя губа Фели затряслась, и она ненавидела себя за неуверенный голос.

– Прошло четыре года с тех пор, как ты исчез. О'кей, это была всего одна ночь, которая, возможно, оказалась ошибкой, но это не давало тебе никакого права бросать меня, как шлюху.

– Нет, – еще раз согласился с ней Матс.

– Поэтому ты не можешь сейчас просить меня об одолжении.

– Ты права. Я... я просто не знаю, к кому еще обратиться. В Берлине у меня никого нет, кому доверяю так, как тебе.

– Мерзавец, – вырвалось у Фели. Затем она положила трубку. И, обессиленная, закрыла глаза.

Дыхание было тяжелым, в груди все дрожало.

– Это был он?

Фели испуганно обернулась.

Их общая ванная не имела замка, да и к чему? Фели не заметила, как Янек появился в дверном проеме. Одетый в одни боксеры и с полным подносом в руках – тосты, мармелад, пармская ветчина, мед и две чашки кофе.

– Завтрак в постель, как мило, дорогой, – сказала Фели и почувствовала себя так, как будто рот у нее действительно был растянут карандашом.

– Это был Матс? – хотел знать Янек.

Его темные глаза казались еще более меланхоличными, чем обычно. Было ошибкой рассказывать Янеку о нем. Но

они поклялись быть честными друг с другом и не приносить в свои новые отношения груз прошлого, а Матс был таким грузом, который она таскала за собой. Хотя они никогда не были парой и он никогда не отвечал взаимностью на ее страсть. За исключением той одной ночи...

– Да, это был Матс.

Фели нерешительно кивнула и сделала шаг к Янеку. При разнице в росте почти полметра ей приходилось смотреть на него снизу вверх.

Не будь у него подноса в руках, она бы прижалась к его груди, закрыла глаза и вдохнула запах его тела – смесь кедровой древесины и мускуса.

– Чего он хотел?

– Поздравить нас, – ответила она после подозрительно долгой паузы. – Я сказала, чтобы он засунул свое лицемерие куда подальше.

Янек наклонил голову.

– Хм, – произнес он. Слишком мало, чтобы понять, удалось ли ей хотя бы немного развеять его недоверие.

– Давай поедим. – Она улыбнулась и ущипнула Янека за бедро, протискиваясь мимо. – Но тебе не больше одного куточка, – поддразнила она, хотя на его мускулистом теле почти не было жира.

Янек наконец улыбнулся, и его улыбка была гораздо более естественной, чем та, что до этого изобразила она.

– Кто бы говорил, – пошутил он в ответ. – Кто там хотел

похудеть к сегодняшнему дню на пять килограммов, а сумел только на три?

– Идиот, – рассмеялась она и бросила в него подушкой.

– Ну, погоди...

Он поставил поднос на прикроватный столик и набросился на нее.

– Помогите, – захихикала она. – Помогите, я сдаюсь.

Как всегда, оказавшись в его объятиях, Фели удивлялась, каким сильным было его тело на ощупь. Как у молодого парня, чего совсем не ожидаешь от пятидесятилетнего адвоката.

– Я люблю тебя, – сказал Янек. – С диетой или без, не важно. Одно я знаю абсолютно точно.

Он поцеловал ее, и, лежа с закрытыми глазами, Фели слышала:

– Ты будешь чудесно выглядеть сегодня в свадебном платье.

Глава 14

Матс

Реакция моего тела на панику меняется.

Удивленный, что еще способен на самоанализ, Матс зафиксировал жжение в желудке, что было ему совсем незнакомо. В стрессовых ситуациях у него обычно появлялись сухость кожи, герпес на губах, покраснения и – единственное положительное качество – потеря аппетита и веса.

Изжога и спазмы желудка, к счастью, его пока не беспокоили.

Но исключительные обстоятельства провоцируют исключительные симптомы.

Казалось, что в воспаленном желудке Матса неожиданно открылась язва. Обжигающие спазмы начались в ту самую секунду, когда он увидел тень в глазах Кайи. Это неожиданное помутнение вместе с едва заметным подергиванием верхней губы.

Тогда Матс понял, что его слова попали в точку и он дал ход делу. Теперь она будет спрашивать себя, *что* он имел в виду и действительно ли считал те события просто ее «версией» или «историей», а не тем, чем они были: страшной правдой. Ужасной судьбой Кайи Клауссен.

Принимая в расчет, какие душевные проблемы он спро-

воцировал у нее своим неоднозначным предложением, боль в желудке была вполне справедливым наказанием.

Матс тяжело сглотнул, и после щелчка в ушах шум турбин усилился. Матс поднял руку, расправил ладонь и смотрел, как дрожали пальцы, словно перья на ветру. Ему стоило некоторых усилий вытащить пульт управления из стола, за которым он сидел уже больше часа против направления движения. С третьей попытки удалось найти кнопку жалюзи, которые беззвучно поехали вверх и исчезли в стене.

За прозрачным стеклом простиралась черная дыра. Свет из нижних иллюминаторов, словно мерцающая жидкость, изливался в темную пропасть и поглощался ею. Матс обратил внимание на сигнальную лампочку на крыле, которая ритмично вспыхивала в темноте. Интервалы между вспышками были слишком равномерными, *а ведь она должна передавать SOS по азбуке Морзе.*

Save Our Souls⁴.

Более шестисот душ нуждались в спасении.

От сумасшедшего шантажиста.

Нет, – исправился Матс. – От меня! Это от меня исходит самая большая опасность на борту.

Он беспомощно обхватил голову руками и вздохнул.

О стольких рисках он подумал заранее. О возможности столкновения с другим самолетом на взлетно-посадочной полосе, о пожаре при старте, о том, что их угонят террори-

⁴ Спасите наши души (англ.).

сты. О взрывчатке в багаже.

Но об оружии, представляющем всеобщую угрозу, о единственной бомбе, которую любой может пронести на борт самолета и которую не распознает ни один детектор в мире, об этом извращенном средстве массового уничтожения он не подумал: о человеческой душе.

Его ментор всегда говорил: *«Каждый человек носит в себе способность убивать. У каждого есть некая точка, в которой он ломается. К счастью, лишь немногие бесцеремонны настолько, чтобы отыскать у других этот психический нулевой предел».*

Какой же я глупец! – подумал Матс.

С высшим образованием в области психиатрии и докторской ученой степенью, с кучей дипломов и свидетельств на стене в своей частной практике. Но он даже не задумался о том, что в любом человеке спрятана тикающая бомба замедленного действия, которую при соответствующих обстоятельствах можно привести в действие правильным триггером.

Матс чувствовал, как давление на его тело увеличивалось. Видимо, пилот менял высоту. Взглянув на 55-дюймовую плазменную панель над головой, где отображались данные полета, он убедился, что они поднялись на десять тысяч двести метров.

Спазм в желудке усилился. Матс снял пиджак и положил его рядом с собой на диван.

Пожав плечами, он решил игнорировать имеющиеся ремни безопасности. От турбулентности, в которую он попал, они все равно не спасут.

Он встал и огляделся в скай-сьюте в поисках письменных принадлежностей. И действительно, у противоположного ряда иллюминаторов стоял небольшой секретер орехового дерева с вращающимся креслом. Матс открыл ящик и вытащил карандаш и блокнот с логотипом LegendAir. Слева обнаружил маленький стеклянный холодильник, достал бутылку минеральной воды.

Она была ледяной, почти до боли, и Матс надеялся, что глотки облегчат его неутихающую головную боль.

Ручная кладь с медикаментами осталась на его месте в экономклассе.

– Хорошо, попытаемся рассуждать логически, – сказал он себе, взглянув на часы и определив оставшееся время.

Еще десять часов и шестнадцать минут.

Он сел.

Меньше половины суток, чтобы решить самую большую и, возможно, последнюю проблему в его жизни.

«Чем меньше времени, тем тщательнее нужно подготовиться», – вспомнил он еще одно высказывание своего ментора. Оно касалось неотложных случаев в медицине, а не предотвращения авиакатастроф, но Матс всегда придерживался мнения, что криминология и психология очень близки.

Если хочешь докопаться до сути, в обоих случаях нужно выяснить причину проблемы.

Матс написал в блокноте:

Мотив.

Если он будет знать, почему шантажист требует от него этого безумия, то сможет приблизиться к разгадке его личности. Чуть ниже и со смещением Матс написал следующее:

Последствия.

Какие будут последствия, если он сделает то, чего требует от него Джонни? И кто мог бы от этого выиграть?

Смерть.

Будут сотни погибших. Террористический акт? С одной стороны, это было бы горько, потому что те, кто действовал по политическим мотивам, как правило, были введены в заблуждение. С другой стороны, террористы часто преследуют цели иного порядка, например, освобождение заключенных: в этом случае возможны переговоры.

Матс поставил большой знак вопроса на полях у первого абзаца. С одной стороны, все происходящее не напоминало акт политически мотивированной агрессии, с другой – он не находил ни одного веского аргумента, чтобы это исключить.

Деньги.

Авиакомпания LegendAir Corporate была акционерным обществом. Кто-то всегда наживался на несчастьях, войнах и катастрофах. К сожалению, очень многие, так что было невозможно выявить кого-то определенного.

От спекулянтов, которые сделали ставки против страховых компаний в случае авиакатастрофы, до конкурентов, которые хотели разорить соперников. Все было возможно.

Матс невольно покачал головой.

Возможно, речь шла даже не о людях на борту, а о каком-то определенном грузе, который должен быть уничтожен.

Он решил расспросить Кайю о необычных грузах, о которых она, возможно, знала, хотя на полезную информацию не надеялся.

Может, преступника или преступников интересовал один-единственный пассажир...

Также вероятна была...

Мечь.

Весьма вероятно. Кто-то в глазах шантажиста заслуживал смерти настолько, что не жаль было пожертвовать шестьюстами других жизней.

Или они посягали на какого-то заключенного, которого инкогнито переправляли куда-то под присмотром воздушного маршала.

Или шпиона? Носителя тайной информации или главного свидетеля, обладающего опасной для экономики или политики информацией?

– А-а-а-а-а!

Матс закричал и со всей силы ударил острием карандаша по рабочей поверхности так, что грифель сломался.

Дерьмо!

В ярости он вырвал листок из блокнота и смял его.

Было слишком много возможностей.

И слишком мало времени. Слишком...

Зажужжавший сотовый остановил его мысли, двигающиеся по нисходящей спирали.

Пришло MMS.

«СРОЧНО!!!» – стояло в коротком оповещении. Конечно, Матс не мог видеть номер. Сообщение в виде электронного письма было отправлено с анонимного почтового адреса ему на сотовый.

Матс нажал на картинку – фотографию листка бумаги размером А4. На нем было написано черными печатными буквами:

Немедленно включите монитор!

Киноканал 13/10

Глава 15

Программа цифрового кино LegendAir называлась SkyCinemaDeluxe, и предлагаемый выбор превосходил городскую видеотеку. Большинство фильмов были новыми, некоторые еще шли в кинотеатрах, а два только должны были появиться в прокате; их «воздушная премьера» состоялась на эксклюзивном киноканале авиакомпании.

Матс не знал, была ли программа такой разнообразной только в первом классе, или каждый пассажир имел доступ ко всей видеотеке.

Он лишь знал, что канала 13/10 там не было.

От драм и комедий до триллеров и документальных фильмов. Для каждого жанра был свой собственный канал, а на каждом канале – более пятидесяти различных фильмов.

С помощью беспроводного контроллера, который, как лазерную указку, нужно было навести на плоский экран, Матс смог прокрутить только до «Убойных каникул». Но после этой черной комедии под номером 49 на канале 10 ничего не было. По крайней мере, официально.

Матс посмотрел на контроллер, имевший форму компьютерной мышки, и нажал на правую кнопку со стрелкой.

Ничего.

Он встал со своего места и нажал еще раз. И еще.

Неожиданно курсор на экране перепрыгнул на строчку

ниже. В свободное поле.

Белый экран.

Канал 11/1, –

прочитал Матс на пустой странице монитора.

Он еще раз нажал на правую стрелку – на мониторе ничего не появилось.

Только номер в правом верхнем углу изменился.

12/1

Через десять нажатий у него получилось. Если верить монитору, он добрался до канала 13/10. И экран был уже не белый. А серый.

Сначала не было видно ничего, кроме светлой мерцающей точки в центре экрана, чье равномерное мигание напоминало красную сигнальную лампу на крыльях самолета.

Потом послышался щелчок, и что-то, напоминающее молнию, разрезола начавшуюся видеозапись на экране.

– Что за...

Матс сделал шаг к монитору, который имел настолько высокое разрешение, что изображение не изменилось, даже когда он встал вплотную к экрану.

Съемка напоминала блеклый видеофильм из восьмидесятых, который уже много раз копировали. Преимущественно

в светло-коричневых тонах, по иронии судьбы идеально гармонизировавших с дорогушим интерьером скайсьюта.

Одиннадцать лет, – пронеслось в голове у Матса, который тут же узнал, что на экране. – Уже столько времени прошло.

А все так же страшно.

Качество съемки было отвратительным, но причина дергающегося и нечеткого изображения коренилась не в воспроизводящей технике, а в дешевой камере, которая снимала этот ужас. К тому же она находилась слишком далеко. Минимум в десяти метрах от женщины, которая боролась за свою жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.